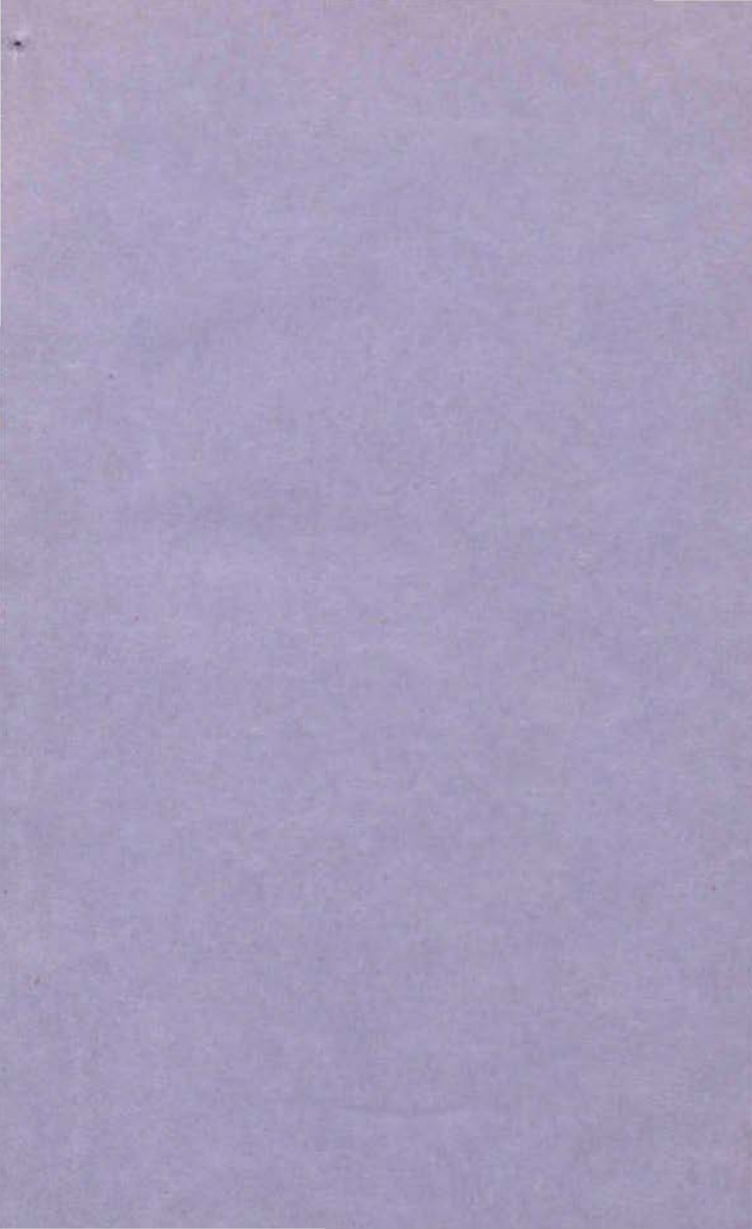

A $\frac{229}{218}$

C. 2

229 А.
Книгоиздательство „ИНОСТРАННАЯ АРМІЯ“.

218
НАСТАВЛЕНІЕ

КЪ САМОДИСЦИПЛИНѢ И САМОВОСПИТАНІЮ.

СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ
СТАРАГО ОФИЦЕРА КЪ СВОЕМУ СЫНУ.

Составлено С. Ж.

Выпускъ II.

Армія не должна имѣть въ своей
средѣ офицеровъ, которые служатъ
самимъ себѣ, а не долгу.

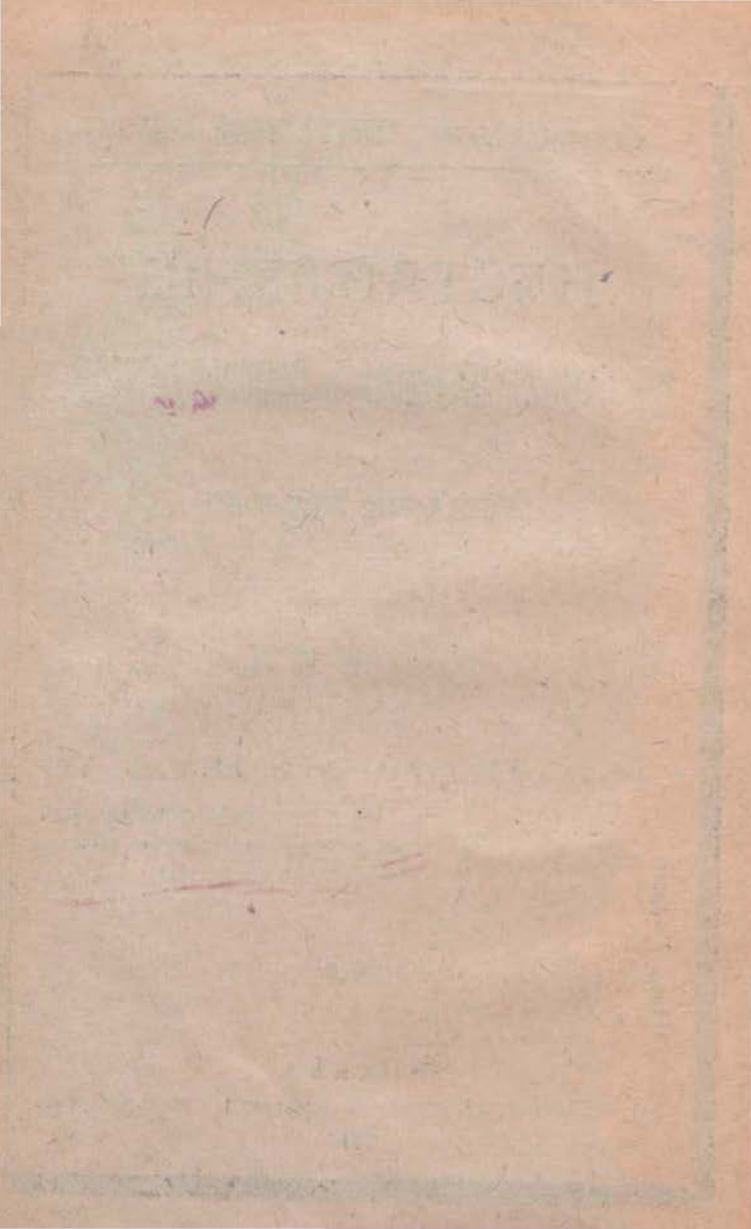

МОСКВА.

Тип. Борисенко и Бреслинъ, В. Дмитровка, д. Благ. Собранія.

1900.

Цѣна 75 коп.

Книгоиздательство „ИНОСТРАННАЯ АРМІЯ“

А 21

НАСТАВЛЕНІЕ КЪ САМОДИСЦИПЛИНѢ И САМОВОСПИТАНІЮ.

СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ
СТАРАГО ОФИЦЕРА КЪ СВОЕМУ СЫНУ.

Составлено С. К.

Выпускъ II.

Армія не должна имѣть въ своей
средѣ офицеровъ, которые служатъ
самимъ себѣ, а не долгу.

МОСКВА.

Тип. Борисенко и Бреслянь, Б. Дмитровка, д. Бл. Собранія.

1900.

Дозволено цензурою. Петербургъ, 5 октября 1899 г.

21271-0

2011136957

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Товарищество.

Введеніе.—Что такое добрые товарищи.—Сравненіе между дружбой и товариществомъ.—Что требуетъ долгъ товарищества.—Высокомѣріе въ товариществѣ.—Гнѣвъ, лукавство и запальчивость въ товарищескихъ отношеніяхъ.—Ненависть въ товариществѣ.—Заключеніе.

Мой милый сынъ!

Вчера была среда и я по обыкновенію въ 6 часовъ вечера явился въ домъ собранія старыхъ нѣмецкихъ ветерановъ. Послѣ живого обсужденія всякихъ вопросовъ дня, сопровождаемаго многими остроумными шутками, разговоръ, какъ водится у старыхъ солдатъ, перешелъ на военныя темы, и мы вскорѣ перенеслись въ воспоминанія о прошломъ, о годахъ той веселой беззаботной лейтенантской жизни, которая къ сожалѣнію такъ скоро проходитъ и не возвращается вновь.

Благо тѣмъ, которымъ нечего стыдиться воспоминанія объ этихъ годахъ, которые постоянно

черпають изъ него жизненную бодрость, такъ что возрастъ не оказываетъ никакого вліянія на истинный солдатскій духъ, который вмѣстѣ съ живымъ юморомъ живетъ еще въ ветеранахъ.

Какой длинный рядъ веселыхъ картинъ изъ нашей молодой военной жизни былъ вызванъ изъ прошлаго въ нашей бесѣдѣ, и кто бы послушалъ насъ, не видя нашихъ сѣдыхъ бородъ и лысыхъ головъ, не повѣрилъ бы, что имѣетъ дѣло со старыми отставными офицерами, а не съ цвѣтущими молодыми лейтенантами.

Тѣмъ не менѣе, эти свѣтлыя минуты были омрачены для меня слѣдующимъ явленіемъ. Двое въ общемъ симпатичныхъ мнѣ людей, служившихъ вмѣстѣ въ одномъ и томъ же полку лейтенантами и получившихъ названіе Макса и Морица благодаря единодушному сообщничеству во всевозможныхъ выходкахъ и проказахъ, погрузились въ многочисленныя воспоминанія о своей молодости, и я съ удивленіемъ убѣдился, какъ часто ихъ дерзкія продѣлки заводили ихъ за предѣлы благоразумія, какъ мало заслуживали похвалы ихъ шутки, хотя онѣ и не были лишены остроумія; а между тѣмъ эти шутки рассказывались съ гордостью и даже съ удовольствіемъ, и виновниковъ ихъ единодушно называли за такое дружеское сообщничество добрыми товарищами.

Разумѣется, къ чести этихъ людей я долженъ

оговориться, что ихъ проказы не относились къ числу тѣхъ, которыя оскорбляютъ честь, тѣмъ не менѣе онѣ часто доходили до тѣхъ предѣловъ, когда стоитъ лишь переступить еще шагъ, и чести будетъ нанесенъ значительный ущербъ.

Это заставляетъ меня остановиться надъ вопросомъ: что значить добрые товарищи? Неужели такъ слѣдуетъ называть тѣхъ, которые идутъ рука объ руку въ легкомысленныхъ выходкахъ, грозящихъ опасностью ихъ чести, которую они безумно ставятъ на карту ради удалства или развлечения? Или это тѣ, которые потворствуютъ подобнымъ выходкамъ и своимъ явнымъ одобреніемъ всякой удавшейся продѣлки поощряютъ другихъ къ новымъ выходкамъ? Не тѣ ли это, которые неразлучны въ пьянствѣ и игрѣ, которые дѣлаются тѣсными сообщниками въ развратѣ и другихъ порочныхъ дѣйствіяхъ, причемъ одинъ подражаетъ другому благодаря слабости воли? Или, быть можетъ, это тѣ, которые выказываютъ другъ другу внѣшніе знаки вниманія и тонкой вѣжливости, живутъ между собой всегда въ мирѣ и согласіи, но въ сущности относятся другъ къ другу вполне безучастно, если только не съ скрытой завистью или недоброжелательствомъ? Или, наконецъ, это тѣ, которые тѣсно дружатся между собой, какъ члены одного и того же стараго, прославленнаго полка или одного и того же рода оружія, но смотрятъ съ

высокомѣріемъ и даже презрѣніемъ на офицеровъ другихъ родовъ оружія?

Нѣтъ, только тѣхъ называю я добрыми товарищами, которые самоотверженно помогаютъ другъ другу въ самовоспитаніи и самосовершенствованіи, поддерживаютъ другъ друга въ стремленіи къ идеальнымъ цѣлямъ, не относятся съ равнодушіемъ къ жизни товарища, но дружно дѣлятъ между собою радости и горе, счастье и несчастье, смотря на нихъ, какъ на свои собственные, тѣхъ, которые служатъ своимъ младшимъ товарищамъ свѣтлымъ примѣромъ благородства и рыцарскаго духа, составившаго съ давнихъ временъ славу и величіе нѣмецкой арміи, или сами беззавѣтно слѣдуютъ мудрымъ совѣтамъ старшихъ.

Ты, быть можетъ, возразишь мнѣ: «но ты изображаешь не товарищей, а друзей!» Въ данномъ случаѣ ты ошибаешься.

Дружба и товарищество находятся, конечно, въ тѣсной связи между собою и во многихъ отношеніяхъ имѣютъ другъ съ другомъ положительное сходство, но тѣмъ не менѣе они вовсе не составляютъ одного понятія: дружба, слѣдуя лишь влеченію сердца, основывается на свободномъ выборѣ и заключается между нѣсколькими избранными, чаще всего лишь между двумя; товарищество же составляетъ долгъ и общее достоиніе всѣхъ, кто носитъ мундиръ королевской ар-

міи и далъ священную клятву ненарушимой вѣрности и отреченія отъ личныхъ выгодъ. Кромѣ того, въ то время, какъ дружба предполагается взаимную передачу самыхъ сокровенныхъ мыслей и чувствъ, короче сказать: нераздѣльную внутреннюю жизнь съ ея интересами, носящими болѣе личный характеръ,—товарищество не имѣетъ этихъ признаковъ дружбы и требуетъ живого, самоотверженнаго участія во всѣхъ общихъ интересахъ, такъ что вопросъ о личности возникаетъ лишь тогда, когда она оскорбляетъ корпорацію.

Дружба и товарищество, какъ они ни различны въ этихъ пунктахъ, сходны между собой въ отношеніи взаимной преданности и довѣрія, обоюдной передачи знаній и опытности; но въ то время, какъ друзья сходятся не сразу, но, лишь узнавъ другъ друга, начинаютъ вести совмѣстную жизнь и сливаются въ общихъ интересахъ,—товарищи не могутъ избираться по влеченію сердца или изъ личной дружбы упускать изъ виду общіе интересы корпораціи, а должны быть строго солидарны между собой изъ повиновенія долгу.

И если ты вправѣ считать себя счастливымъ, найдя друга, который вполне сочувствуетъ тебѣ, несмотря на нѣкоторое несходство отдѣльныхъ воззрѣній, которому ты можешь откровенно признаться во всемъ, что волнуетъ твое сердце, такъ

какъ онъ заслуживаетъ твоего довѣрія и самъ отвѣчаетъ тебѣ довѣрчивою преданностью,—если ты чувствуешь себя довольнымъ и счастливымъ, что имѣешь *одного* друга, то долженъ употребить всѣ свои усилія, чтобы сдѣлать своими друзьями всѣхъ товарищей и чтобы въ свою очередь доказать каждому изъ нихъ искренность твоего товарищескаго чувства, такъ какъ товарищество требуетъ полной солидарности всѣхъ членовъ корпорации, хотя и не въ дѣлѣ личныхъ интересовъ, но въ равенствѣ правъ и обязанностей. «Каждый для всѣхъ безъ исключенія и всѣ для одного»—вотъ общій ихъ девизъ.

Но прежде чѣмъ продолжать свое разсужденіе, я долженъ предостеречь тебя отъ ошибки, въ которую ты непремѣнно впадешь при поверхностномъ размышленіи.

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ я высказалъ мысль, что скромность въ отношеніи чужихъ дѣлъ есть прямой долгъ офицера; здѣсь же я называю однимъ изъ коренныхъ свойствъ дружбы откровенное сообщеніе другъ другу всего того, что волнуетъ сердце друзей, и въ этомъ какъ будто видно какое-то непримиримое противорѣчіе. Но это противорѣчіе есть лишь кажущееся. Я говорилъ тебѣ, что дружба развивается изъ личной симпатіи и стало быть представляетъ чисто личное дѣло cadaго. Насколько она имѣетъ право требовать, чтобы ты

дѣлился съ своимъ другомъ всѣмъ тѣмъ, что касается тебя лично, настолько лишена права претендовать на сообщеніе тѣхъ явленій, которыя выходятъ изъ круга твоихъ личныхъ дѣлъ. Если бы это было не такъ, то не существовало бы никакихъ тайнъ: какъ ты былъ бы обязанъ сообщать все своему другу, такъ и онъ считалъ бы своею обязанностью тотчасъ же сообщать слышанное своему другому другу, и такимъ образомъ образовалась бы цѣлая безконечная цѣпь. Нѣтъ, даже и дружба не освобождаетъ тебя отъ долга строгой скромности, какъ скоро ты своею откровенностью можешь выдать чужія тайны или задѣть интересы всей корпораціи, и плохъ былъ бы тотъ другъ, который подъ видомъ дружбы выпытывалъ бы у тебя вещи, умолчать о которыхъ велить тебѣ долгъ.

Теперь вернемся снова къ вопросу о товариществѣ.

Въ сношеніяхъ съ товарищами ты никогда не долженъ руководиться чувствомъ антипатіи, слѣдуя въ этомъ случаѣ не влеченію сердца, а указаніямъ долга и собственной совѣсти. Ты долженъ всѣми силами побороть антипатію,—этого врага солидарности во всякомъ обществѣ, и не только не отворачиваться отъ заблудшихъ, споткнувшихся или павшихъ товарищей, но наоборотъ, принимать въ нихъ участіе, чтобы поддержать, поднять и направить ихъ вновь на

прямую дорогу. Не поддавайся себялюбію, которое можетъ внушить тебѣ тщеславную гордость и несносное высокомѣріе и не забывайся настолько, чтобы смотрѣть на прочихъ товарищей съ извѣстнаго рода презрѣніемъ, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что этимъ ты наносишь оскорбленіе своей чести и долгу, ты даже не имѣешь къ тому ни малѣйшаго основанія. Подумай только, какъ легко можетъ раздаться призывъ къ войнѣ и какъ легко можетъ случиться, что тебѣ придется бокъ о бокъ сражаться съ товарищемъ, которому ты во время мира отказывалъ въ уваженіи; и тогда, если тебѣ обезсиленному придется просить у него глотокъ воды, куда дѣнется все твое высокомѣріе?

Ты имѣешь право гордиться своимъ полкомъ, если онъ имѣетъ за собой цѣлый рядъ славныхъ дѣлъ, записанныхъ собственною кровью въ книгу исторіи, если его знамена украшены знаками отличія за геройскую храбрость его воиновъ, жертвовавшихъ своею жизнью во имя чести и долга; но слава полка не даетъ тебѣ никакого права считать себя лично выше офицеровъ тѣхъ новыхъ полковъ, которые еще не успѣли стяжать себѣ лавры. Поэтому подавляй въ себѣ малѣйшее стремленіе къ высокомѣрію и гордости.

Если ты любишь и цѣнишь своего товарища, то тебѣ, конечно, будетъ не трудно исполнять по отношенію къ нему свой товарищескій долгъ.

Но и въ томъ случаѣ, когда ты не можешь уважать или любить его, ты долженъ ставить этотъ долгъ выше собственныхъ склонностей и стремленій.

Тѣмъ не менѣе, какъ часто ты придаешь гораздо больше значенія своему благосостоянію и удовлетворенію своихъ прихотей, чѣмъ чести твоихъ товарищей, которая въ сущности нераздѣльна съ твоею собственной!

Когда ты видишь товарища въ постоянной погонѣ за возбуждающими развлеченіями, которыми онъ хочетъ усыпить свою совѣсть, то старайся обличить его въ нравственной трусости и неустанно тверди ему объ этомъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ не проснется совѣсть. Но остерегайся при этомъ ослабить контроль надъ своими собственными поступками; прислушивайся еще внимательнѣе къ голосу своей совѣсти, такъ какъ, наблюдая за чужими поступками, ты легко можешь поддаться нездоровому сомнѣнію, при которомъ человѣкъ видитъ всякую соломенку въ чужомъ глазу и не замѣчаетъ бревна въ своемъ собственномъ.

Если ты не чувствуешь никакихъ упрековъ совѣсти, то все-таки долженъ изслѣдовать, не заглушенъ ли ея голосъ привычкой, страстью или склонностью къ самооправданію. Такой постоянный самоанализъ уничтожить въ тебѣ равнодушіе и заставить тебя быть сердечнѣе по отноше-

нію къ тѣмъ товарищамъ, которые тебѣ не симпатичны, слѣдовательно послужить основаніемъ истиннаго, прочнаго, безкорыстнаго товарищества, которое можно уподобить лѣсу, гдѣ каждое дерево неудержимо стремится въ высь, и все-таки всѣ деревья должны дѣлиться между собой воздухомъ, свѣтомъ и тѣнью. Не достаточно того, чтобы каждый контролировалъ самъ себя,—онъ долженъ еще помогать другому бороться со своими ошибками, чтобы одержать сообща побѣду тамъ, гдѣ одинъ можетъ постыдно пасть, не имѣя поддержки; не достаточно самому слѣдовать высокому образцу,—нужно указывать на него и другимъ, ставя имъ на видъ тѣ его добродѣтели, которыхъ имъ не достааетъ; недостаточно слѣдовать разумнымъ увѣщаніямъ начальства, но нужно съ благодарностью принимать и добрые совѣты старшихъ товарищей.

Но такое взаимное воспитаніе не должно вестись свысока, такъ какъ въ этомъ случаѣ нѣтъ мѣста любви. Въмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ сердца заблудшихъ, мягко и сердечно указывая имъ на ихъ ошибки, ты станешь передъ ними грознымъ судьей ихъ поступковъ и своимъ безсердечнымъ отношеніемъ вызовешь осужденіе твоихъ собственныхъ поступковъ и съ ихъ стороны; изъ этого возникнетъ взаимное злословіе, сердечное единеніе будетъ нарушено и взаимное нравственное воздѣйствіе слѣлается невозмож-

нымъ. И тогда, стоя одиноко на высотѣ своего холоднаго величія, страдая самъ отъ злословія злыхъ языковъ, ты пожнешь лишь то, что посѣялъ, и къ тебѣ приложится та мѣрка, которою ты мѣрилъ самъ. Поэтому будь строгъ къ себѣ и снисходителенъ къ другимъ, не старайся оправдывать собственныхъ ошибокъ, но извиняй чужія, причемъ слѣди, не дѣлаешь ли ты и самъ такихъ же ошибокъ и, судя другихъ, не осуждаешь ли тѣмъ строже самого себя. Пусть любовь и сердечное участіе будутъ единственными двигателями въ вашихъ товарищескихъ отношеніяхъ.

Если ты на гнѣвъ и запальчивость отвѣтишь такимъ же гнѣвомъ и запальчивостью, то впадешь въ ошибку твоего противника и станешь на одинъ съ нимъ уровень, т. е. вы оба одинаково погрѣшите противъ товарищества, такъ какъ между настоящими товарищами недопустимы пререканія и недостойныя ссоры. Именно тогда, когда кто-нибудь относится къ тебѣ съ гнѣвомъ, твой долгъ сохранить еще большее спокойствіе, чтобы не раздуть въ немъ это пламя; когда кто-нибудь хитритъ съ тобою, отнесись къ нему еще честнѣе и искреннѣе, чтобы онъ благодаря твоему примѣру со стыдомъ понялъ всю безчестность своего поведенія; когда кто-нибудь съ яростью наступаетъ на тебя, собери все свое хладнокровіе, чтобы не увлечь безумца на преступленіе,

котораго онъ вовсе не желалъ и въ которомъ будетъ впослѣдствіи раскаиваться.

Но берегись самъ такой злобы, которая не раздражается подобно страшной бурѣ, но пропитываетъ сердце медленнымъ ядомъ, проникаетъ во всѣ мысли, и оставаясь скрытой, тѣмъ вѣрнѣе убиваетъ всякое товарищеское чувство, такъ какъ къ ней вскорѣ присоединяется и ненависть. Не позволяй этой злобѣ овладѣвать твоимъ сердцемъ; помни, что и отъ одной спички можетъ сгорѣть цѣлый лѣсъ.

Если ты самъ встрѣтился съ ненавистью, отвѣчай на нее любовью, и твоя любовь преодолѣетъ эту ненависть, такъ какъ въ твоихъ рукахъ будетъ болѣе могучее орудіе; въ то время, какъ ненависть сопряжена съ упорствомъ, угрюмою замкнутостью, злобою и другими качествами, отталкивающими отъ нихъ всякаго,—любовь обнаруживаетъ дружескую сердечность, мягкость, доброту и терпѣніе—качества, привлекающія къ себѣ и образующія могучую, прочную силу. Слѣдовательно, любовь сильнѣе ненависти и потому, безъ всякаго сомнѣнія, побѣда останется всегда на сторонѣ первой.

И такъ, пусть истинное товарищество пускаетъ все болѣе глубокіе корни въ офицерской семьѣ, пусть каждый ея членъ наслаждается этимъ цѣннымъ благомъ. Хотя высокій долгъ товарищества и занимаетъ послѣднее мѣсто въ

кругу обязанностей офицера, но отъ этого онъ не уступаетъ другимъ въ своемъ внутреннемъ значеніи и достоинствѣ.

Итакъ, если ты хочешь быть добрымъ членомъ офицерской семьи, будь всегда вѣрнымъ, надежнымъ товарищемъ, какъ того желаетъ сердце твоего всемилостивѣйшаго монарха.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

Суды чести.

(На основаніи постановленія о судахъ чести офицеровъ прусской арміи отъ 2-го мая 1874 г. и дополнительныхъ поясненій къ указу о введеніи означеннаго постановленія отъ 1-го января 1897 г.).

Введеніе.—Значеніе постановленій о судахъ чести.—Какія цѣли преслѣдуетъ учрежденіе судовъ чести?—Какія средства предоставляютъ они для охраненія чести въ духѣ постановленія?—Какой цѣли служатъ суды чести и каковъ порядокъ ихъ судопроизводства?—Какія неосновательныя подозрѣнія въ недостаткѣ честности долженъ устранять офицеръ, избирая другой соотвѣтствующій его званію путь?—Дѣло объ оскорбленіи чести, возникающее между офицерами.—Дѣло чести между офицеромъ и гражданскимъ лицомъ.—Дѣло чести между офицеромъ и лицомъ, не могущимъ дать удовлетвореніе.

Мой милый сынъ!

Объяснивъ тебѣ по мѣрѣ возможности въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ писемъ, что под-

разумѣваемъ мы подъ словами «истинная честь» и «честное поведеніе», я побесѣдную теперь о Высочайшемъ постановленіи, вмѣняющемъ намъ въ важнѣйшій долгъ охраненіе чести, какъ нашего драгоцѣннѣйшаго достоянія, и дающемъ намъ для этого въ руки различныя средства. Я подразумѣваю здѣсь постановленія о судахъ чести, завѣщанныя арміи Его Величествомъ незабвеннымъ монархомъ, блаженной памяти королемъ Вильгельмомъ I, съ приказаніемъ сообщать ихъ чрезъ посредство полковыхъ командировъ или равныхъ имъ по власти начальниковъ каждому вновь произведенному офицеру дѣйствующей арміи или запаса и вообще почаще напоминать имъ объ этихъ постановленіяхъ, отъ времени до времени прочитывая ихъ въ собраніяхъ офицеровъ; дополненія къ указу о введеніи означенныхъ постановленій, вышедшія 1-го января 1897 г., согласно волѣ его Величества также должны чаще ставиться офицерамъ на видъ чрезъ посредство тѣхъ же командировъ.

Ты, быть можетъ, полагаешь, что излишне говорить о томъ, что читается тебѣ изъ года въ годъ или какимъ нибудь другимъ путемъ доводится до твоего свѣдѣнія, но выслушавъ меня, ты станешь все болѣе и болѣе убѣждаться, что одного чтенія, или выслушиванія недостаточно для полнаго пониманія вышеупомянутыхъ поста-

новленій и что поэтому нужно какъ можно ближе изучить ихъ.

Прежде всего я остановлюсь на вопросѣ: «какое значеніе имѣютъ постановленія о судахъ чести?»

Для того, кто судить поверхностно, можетъ, конечно, показаться страннымъ, что для офицерскаго корпуса учреждены особые суды чести; но не такъ отнесется къ этому человѣкъ, который знаетъ, что германское законодательство относится поверхностно къ дѣламъ, касающимся оскорбленія чести, что преступленіе противъ чести наказуется лишь тогда, когда сопровождается другимъ преступнымъ по закону дѣяніемъ, какъ напр., ложной присягой, посредствомъ которой виновный можетъ быть стремился запятнать честь другого, и что наказаніе угрожаетъ лишь тому, кто съ корыстными видами пользуется легкомысліемъ или неопытностью несовершеннолѣтняго, чтобы вынудить у него какое нибудь обѣщаніе на честное слово, ставя такимъ образомъ на карту его честь; кто, наконецъ, приметъ въ соображеніе, что единственное наказаніе за оскорбленіе чести, которое налагаетъ германское законодательство—лишеніе гражданскихъ правъ и преимуществъ—есть просто добавочное наказаніе въ случаяхъ самыхъ тяжкихъ преступленій,—тотъ безусловно согласится съ моимъ утвержденіемъ, что эти постановленія слишкомъ незначительны,

чтобы гарантировать человеку, еще не приходившему въ столкновение съ закономъ, уваженіе другихъ людей и внѣшнее проявленіе его, нераздѣльное съ признаніемъ его чести, и что эти постановленія недостаточны ни для одного человека, къ какому бы онъ званію или сословію ни принадлежалъ.

Чѣмъ труднѣе обязанности, связанныя съ какимъ-нибудь званіемъ, чѣмъ больше онѣ требуютъ безкорыстія и самопожертвованія, тѣмъ больше сопряжено съ ними чести и уваженія, а съ ними увеличивается и потребность въ такихъ учрежденіяхъ, которыя бы дополняли въ этомъ направленіи германское законодательство; таковы напр. дисциплинарные суды для высшихъ чиновниковъ и суды чести для офицерскаго корпуса.

Если неоспоримо, что общая честь, т. е. основанная на признаніи внутренняго достоинства честная репутація и связанное съ ней внѣшнее почтеніе—должна быть достояніемъ каждого человека, то съ другой стороны нельзя отрицать того, что понятіе о чести въ каждомъ сословіи видоизмѣняется сообразно его интересамъ, т. е. смотря по его цѣлямъ и обязанностямъ.

Но кто станетъ отрицать, что на долю солдата выпадаетъ прекраснѣйшая, но за то и труднѣйшая обязанность—мужественно и безъ содроганія, подъ градомъ пуль, смотрѣть въ лицо смерти и проливать собственную кровь для защиты трона

и отечества? Кто не согласится, что такая задача по силамъ лишь тому сословію, которое какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ своемъ членѣ цѣнитъ честь, какъ свое драгоцѣннѣйшее достояніе, стоящее выше всѣхъ сокровищъ міра, выше собственной жизни?

Какое глубокое и чисто солдатское чувство выражаетъ нашъ великій поэтъ Шиллеръ въ своей драмѣ «Лагерь Валленштейна» (явленіе II), словами кирасира и двухъ егерей:

... И поэтому каждый солдатъ
Долженъ быть честенъ въ душѣ, благороденъ.
Или солдатомъ онъ быть не пригоденъ.
Ежели ставлю я жизнь наугадъ,
Долженъ же быть я другого достойнѣй
Въ чемъ-нибудь, или не битвой, а бойней
Станетъ борьба, и солдатъ, какъ кроать,
Шею подставить.

Если мы требуемъ такого тонкаго, высоко-развитаго чувства чести отъ простаго солдата, насколько больше должны мы требовать его отъ офицера, который въ качествѣ учителя, воспитателя и совѣтника долженъ служить ему блестящимъ образцомъ всѣхъ человѣческихъ и военныхъ добродѣтелей,—быть, такъ сказать, для него воплощенной честью!

И такъ, мой сынъ, помимо личной чести, мы имѣемъ еще честь сословную. Пусть наши враги возглашаютъ всему свѣту: «Чести нѣтъ,—есть

только долгъ; не существуетъ никакой сословной чести, такъ какъ то, что офицеры называютъ этимъ именемъ, есть только преувеличенная чувствительность, основанная на высокомѣріи — мы тѣмъ не менѣе знаемъ это лучше и не позволимъ никому отнять или затронуть наше драгоценное достояніе. Мы основали нашу сословную честь на высокихъ и многотрудныхъ цѣляхъ нашего призванія, спланивающаго насъ путемъ истиннаго рыцарскаго воспитанія духа и воли въ одну нераздѣльную семью, въ которой взаимное уваженіе есть связь, соединяющая всѣхъ безъ изъятія, такъ что мы являемся носителями и охранителями не только собственной чести, но и общей чести всего сословія.

Въ этомъ сознаніи, что честь каждого отдѣльнаго члена нераздѣльна съ честью всей корпораціи, и что, слѣдовательно, корпорація во всемъ ея составѣ отвѣтственна за честь каждого члена, лежитъ высокое значеніе такихъ учрежденій, какъ суды чести, насколько это видно въ вышеупомянутыхъ постановленіяхъ и дополнительныхъ къ нимъ параграфахъ.

Этотъ самый духъ чести, съ давнихъ поръ укоренившійся въ офицерскомъ корпусѣ и невольно передававшійся и простымъ солдатамъ, составилъ славу нашей арміи какъ въ предѣлахъ самого государства, такъ и за его предѣлами; этотъ духъ живетъ до сихъ поръ и долженъ

жить теперь болѣе чѣмъ когда либо въ арміи, которая составляетъ сердце народа; далеко не поселяя вражды между арміей и народомъ, онъ скорѣе ведетъ къ ихъ внутреннему единенію; только онъ одинъ и можетъ сохранить добрую славу арміи, какъ въ отечествѣ, такъ и за ея предѣлами, такъ какъ духъ арміи есть ея сила, а духъ этотъ, какъ справедливо говоритъ генераль фонъ-Рюхель, пребываетъ въ ея офицерахъ.

Если ты возьмешь теперь постановленія о судахъ чести и взглянешь на введеніе, то легко замѣтишь, что послѣднее далеко выходитъ изъ рамокъ всякаго обыкновеннаго введенія, которое по большей части остается непрочитаннымъ, отчего нисколько не теряется смыслъ и пониманіе всего, что слѣдуетъ дальше. Здѣсь это не совсѣмъ такъ.

Введеніе, составленное въ простыхъ, но прекрасныхъ словахъ, служить существенною и даже главною частью цѣлаго; такъ какъ, поясняя само постановленіе, оно не только стоитъ съ нимъ въ тѣсной связи, но и придаетъ мертвой буквѣ закона жизненность и особую силу.

Это побуждаетъ меня рассмотреть какъ постановленіе, такъ и введеніе къ нему, и опираясь на Высочайшее распоряженіе выяснитъ вытекающіе изъ нихъ вопросы, а именно: «Какія цѣли преслѣдуетъ учрежденіе судовъ чести?» «Какія средства представляютъ они для достиженія на-

мѣченной цѣли?» и наконецъ: «Какой цѣли служатъ сами суды чести и каковъ порядокъ разслѣдованія подлежащихъ имъ дѣлъ?»

Отвѣтъ на первый вопросъ ты, безъ сомнѣнiя, хотя отчасти найдешь самъ на основанiи всего вышесказаннаго: «Цѣль учрежденiя судовъ чести заключается въ охраненiи чести», и ты правъ, такъ какъ во введенiи въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ говорится: «Параграфы этого постановленiя имѣютъ цѣлью поддерживать и охранять достойные завѣты рыцарскаго духа въ офицерскомъ сословiи».

Но они имѣютъ и другую цѣль, такъ какъ дальше въ этомъ же мѣстѣ сказано: «Они указываютъ также офицеру средство дѣйствовать законнымъ путемъ въ томъ случаѣ, если онъ подвергается нареканiю въ оскорбленiи своей чести, или самъ опасается этого со стороны другихъ».

Въ тѣсной связи съ этой задачей стоитъ также опредѣленно выраженная въ дополненiи воля Его, Величества нынѣ царствующаго Императора, которая гласитъ такъ:

«Я желаю, чтобы случаи поединковъ между моими офицерами предупреждались теперь болѣе, чѣмъ прежде».

Говоря о средствахъ къ исполненiю этого повелѣнiя, я поговорю подробнѣе и о немъ самомъ, а пока перейду къ дальнѣйшему обсужденiю вопроса.

Желая поддержать и сохранить свою честь, мы должны прежде всего твердо знать, чего она отъ насъ требуетъ.

Вотъ что читаемъ мы въ слѣдующихъ словахъ введенія:

«Я твердо увѣренъ, что офицерскій корпусъ во всемъ его составѣ не перестанетъ и впредь считать честь своимъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ, сохранить которое чистымъ и незапятнаннымъ есть долгъ всего сословія, равно какъ и каждого отдѣльнаго его члена. Исполненіе этого долга включаетъ въ себя добросовѣстное и безукоризненное исполненіе всѣхъ другихъ обязанностей офицера».

«Истинная честь не можетъ существовать безъ вѣрности до гроба, безъ непоколебимаго мужества, твердой рѣшимости, самоотверженнаго повиновенія, искренней правдивости, строгой служебной скромности и безукоризненнаго исполненія всѣхъ даже повидимому самыхъ незначительныхъ обязанностей».

«Она требуетъ, чтобы даже и во внѣшней жизни офицера выражалось достоинство, вытекающее изъ сознанія принадлежности къ сословію, которому ввѣрена защита трона и отечества. Офицеръ долженъ стараться избирать для своего знакомства лишь такой кругъ общества, въ которомъ господствуютъ добрые нравы, и не имѣть права, въ особенности въ общественныхъ

мѣстахъ, упускать изъ виду то, что онъ является всюду не только какъ образованный чело-вѣкъ, но и какъ носитель чести и сложныхъ обязанностей своего сословія. Офицеръ долженъ во что бы то ни стало удерживаться отъ всѣхъ поступковъ, которые могли-бы повредить репутаціи какъ отдѣльнаго члена, такъ и всей корпораціи, въ особенности—отъ всякихъ излишествъ, пьянства и азартной игры, отъ принятія на себя такихъ обязательствъ, съ которыми можетъ быть связана хотя-бы лишь тѣнь безчестнаго поступка, отъ азартной биржевой игры, отъ участія въ совмѣстныхъ торговыхъ предпріятіяхъ, цѣль и репутація которыхъ не безупречна, а также вообще отъ всякаго стремленія къ наживѣ сомнительнымъ путемъ. Онъ никогда не долженъ давать легкомысленно своего честнаго слова».

«Чѣмъ больше распространяются кругомъ роскошь и изнѣженность, тѣмъ больше обязанъ офицеръ помнить во всякое время, что не матеріальныя блага доставили ему высокое и почетное положеніе въ государствѣ и въ обществѣ. Опасность, которую приносить съ собой стремленіе къ наживѣ и роскошной жизни, состоитъ не только въ томъ, что благодаря разслабляющему образу жизни, наносится ущербъ боевой способности офицера, но и въ томъ, что черезъ это расшатываются тѣ основы, на которыхъ стоитъ все офицерское сословіе» и т. п.

«Справедливое чувство достоинства офицера не должно обращаться въ недостатокъ уваженія или въ заносчивость по отношенію къ другимъ сословіямъ. Чѣмъ больше офицеръ любитъ свое призваніе, чѣмъ выше ставитъ онъ его цѣли, тѣмъ яснѣе убѣдиться, до какой степени необходимо полное довѣріе другихъ сословій къ офицерскому корпусу для успѣшнаго и славнаго разрѣшенія послѣдней и высшей задачи арміи».

Эти прекрасныя, глубоко трогательныя слова должны тѣмъ болѣе найти доступъ къ сердцу каждаго, что они несомнѣнно вылились изъ самой глубины души. Въ нихъ слышится для насъ серьезное напоминаніе: Неусыпно наблюдайте за собою, не гонитесь за скоропроходящими радостями, но стремитесь къ истиннымъ благамъ жизни, прочнымъ какъ морской утѣсь; заботьтесь о томъ, чтобы ни одно пятно не омрачало вашей чести и чтобы ваше внутреннее достоинство отражалось во всѣхъ вашихъ словахъ и поступкахъ и было-бы такимъ образомъ признано всѣми.

Что касается страсти къ роскоши, пьянства, азартной игры и другихъ пороковъ, ты изъ приведенныхъ выше словъ Введенія можешь ясно видѣть, что твой императоръ самъ считаетъ эти пороки несовмѣстимыми съ честью офицера, и это несомнѣнно побудитъ тебя съ большею силой работать надъ собою въ этомъ направленіи.

Но не на долю однихъ офицеровъ дѣйствую-

щей арміи выпадаетъ задача поддерживать и охранять рыцарскій духъ, издавна отличавшій немѣцкую армію,—и офицерамъ запаса, а также отставнымъ военнымъ, по скольку имъ дарованы внѣшнія знаки военного званія, надлежитъ сохранять свою честь въ чистотѣ и содѣйствовать всюду и во всякое время доброй славы арміи. Поэтому и въ гражданской жизни офицеръ резервовъ или ландвера не долженъ никогда забывать, что по приказу Его Величества онъ можетъ быть во всякую минуту призванъ къ знаменамъ и что тогда ему выпадетъ таже самая высокая и важная задача, какъ и офицерамъ дѣйствующей арміи; раздѣляя съ послѣдними сложныя обязанности званія, онъ тѣмъ самымъ сливаетъ свою личную честь съ честью всей корпорации; поэтому офицеръ не состоящій на дѣйствительной службѣ и послѣ выхода въ отставку долженъ обнаруживать прежній доблестный духъ и сознаніе истинной чести.

Вотъ что говорится въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Введенія: «Я увѣренъ, что офицеры запаса и тѣ изъ уволенныхъ въ отставку, которымъ даровано право сохранить внѣшніе знаки военного званія, продолжая раздѣлять съ арміей ея сословную честь, будутъ постоянно помнить, что и они равнымъ образомъ обязаны заботиться объ охраненіи этой чести». Кто найдетъ возможнымъ обмануть такую твердую, непоколебимую и честную

увѣренность? разумѣется никто, кому честь дороже жизни, кто относится къ своей клятвѣ въ вѣрности государю такъ, «какъ подобаетъ честному неустрашимому солдату, преданному своему долгу и чести».

Но если ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы вышеупомянутые офицеры, будучи снова призваны къ знаменамъ, могли думать, чувствовать или дѣйствовать иначе, чѣмъ это предписывается имъ сословною честью, то все-таки мы должны признать, что ихъ гражданскія обязанности со своими альтернативами социальнаго, дѣловаго и политическаго характера могутъ поставить ихъ лицомъ къ лицу съ такими вопросами, которые приведутъ ихъ къ серьезному на первый взглядъ противорѣчію съ понятіемъ офицерской чести. Поэтому такое сочетаніе противорѣчивыхъ обязанностей налагаемыхъ на офицеровъ запаса гражданскою службою и общественною жизнью, требуетъ отъ нихъ спокойствія, разсудительности и достоинства во всемъ образѣ ихъ дѣйствій, основанномъ на тонкомъ чувствѣ такта. Определенныхъ правилъ на отдѣльные случаи не существуетъ, но во Введеніи есть слѣдующее указаніе:

«Я желаю, чтобы предписанное мною отъ сего дня постановленіе о судахъ чести для офицеровъ моей арміи было понято и принято къ исполненію въ томъ духѣ, которымъ изстари славилась моя армія»!

Оно вполне ясно говорить, что рѣшеніе всѣхъ подобныхъ вопросовъ должно вытекать изъ духа чистой справедливости и строгой честности, въ которомъ исчезаютъ всѣ противорѣчія гражданской и военной жизни. Если офицеръ будетъ слѣдовать этой путеводной нити, то ни въ какой политической борьбѣ партій онъ не уклонится отъ истиннаго пути и будетъ лучшимъ посредникомъ между народомъ и арміей, которая есть ничто иное, какъ вооруженный народъ; и въ такой борьбѣ онъ будетъ помнить о томъ, что охраненіе сословной чести есть его долгъ во всякое время и при всякомъ случаѣ.

И такъ, чѣмъ чаще онъ будетъ прочитывать постановленія о судахъ чести, чѣмъ болѣе будетъ вникать въ смыслъ его введенія, тѣмъ больше проникнется его духомъ и съ каждымъ шагомъ впередъ станетъ приобрѣтать больше спокойствія, разсудительности и нравственнаго достоинства.

Поэтому недостаточно того, чтобы полковые командиры и другіе равные имъ по положенію начальники разъ въ годъ прочитывали офицерамъ эти постановленія, но мнѣ кажется, слѣдовало бы производить это въ болѣе короткіе промежутки и не иначе, какъ съ надлежащимъ обсужденіемъ отдѣльныхъ параграфовъ. Я останавливаюсь на этомъ вопросѣ такъ подробно потому, что слишкомъ хорошо сознаю важность этого пробѣла, а между тѣмъ отъ души желалъ бы,

чтобы ты хорошо понималъ цѣль учрежденія судовъ чести.

Какія средства представляютъ эти суды для охраненія чести въ духѣ постановленія?

Введеніе отвѣчаетъ на это вполне ясно:

«Чѣмъ усерднѣе корпусъ офицеровъ будетъ поддерживать чувство вѣрнаго товарищества и истинный корпоративный духъ, тѣмъ легче станетъ уклоняться отъ излишествъ, направлять на истинный путь заблудшихъ товарищей, избѣгать бесполезныхъ споровъ и недостойныхъ ссоръ».

Равнымъ образомъ и предисловіе къ дополнительному постановленію указываетъ соотвѣтствующія для этого средства въ слѣдующихъ словахъ:

«Офицеръ долженъ считать несправедливостью затрогивать честь другого. Если онъ въ опрометчивости или запальчивости сдѣлалъ эту ошибку, то поступить по рыцарски, если не будетъ упорствовать въ своей ошибкѣ, но протянетъ руку для сердечнаго примиренія. Равнымъ образомъ и тотъ кому нанесена обида или оскорбленіе, долженъ принять протянутую для примиренія руку, насколько позволяетъ это сословная честь и требованія нравственности.

Отвѣтственность за охраненіе чести введеніе возлагаетъ на полковыхъ командировъ и прочихъ начальниковъ, о чемъ говорится слѣдующее:

«За сохраненіе въ корпусѣ офицеровъ дѣйствующ-

щей арміи и запаса истиннаго духа чести должны отвѣчать мнѣ полковыя командиры и пользующіеся равною съ ними властью начальники. Они болѣе всякаго другого имѣютъ возможность, благодаря имѣющимъ въ ихъ распоряженіи средствамъ для воспитанія младшихъ офицеровъ, вліять на поддержаніе духа, который лишь одинъ составляетъ величіе арміи, далеко за предѣлами своего круга дѣятельности. Этотъ долгъ будетъ выполненъ ими съ особеннымъ успѣхомъ въ томъ случаѣ, когда они будутъ серьезно побуждать младшихъ офицеровъ слѣдовать благимъ совѣтамъ своихъ старшихъ товарищей, а послѣднихъ убѣждать въ томъ, что существенный долгъ старшихъ офицеровъ имѣтъ попеченіе о младшихъ товарищахъ и способствовать ихъ воспитанію».

«Если, такимъ образомъ, означенныя лица будутъ оказывать воздѣйствіе на своихъ товарищей путемъ примѣра, наставленія, предостереженія и приказанія, то случаи, требующіе указаннаго въ постановленіи о судахъ чести приговора, будутъ встрѣчаться среди лицъ того же сословія все рѣже и рѣже».

Эти монаршія слова возлагаютъ охраненіе чести прежде всего на полковыхъ командировъ и другихъ пользующихся равною съ ними властью начальниковъ, и указывая на предоставленныя имъ для этого средства, дѣлаютъ ихъ отвѣтственными за поддержаніе того духа, который лишь

одинъ способствуетъ величію арміи. И дѣйствительно, кто можетъ ревностнѣе и съ большимъ успѣхомъ заняться воспитаніемъ офицеровъ, какъ не стоящій во главѣ ихъ командиръ, призванный на такой значительный постъ довѣріемъ своего высшаго военачальника и благодаря своей богатой и разнообразной опытности, наиболѣе способный дѣйствовать въ духѣ желаній Его Величества? Дѣйствительно, если полковой командиръ представляетъ собою образецъ всѣхъ лучшихъ качествъ воина: неизмѣнной вѣрности, непоколебимаго мужества, твердой рѣшимости, самоотверженнаго повиновенія, смѣлой правдивости, скромности и тщательности исполненія даже самыхъ незначительныхъ обязанностей, если онъ, согласно монаршей волѣ, побуждаетъ старшихъ офицеровъ содѣйствовать ему въ воспитаніи молодыхъ воиновъ, а послѣднихъ—слѣдовать добрымъ совѣтамъ старшихъ товарищей, то честь полка будетъ стоять незыблемо, какъ гранитъ, и духъ товарищества станетъ въ его рукахъ могучимъ средствомъ для избѣжанія бесполезныхъ и недостойныхъ раздоровъ между его членами, и тогда случаи, требующіе посредничества судовъ чести, сдѣлаются невозможными.

Тѣмъ не менѣе, если офицеръ забудется настолько, что задѣнетъ или оскорбитъ свою честь или нераздѣльную съ ней честь своей корпораціи, то въ постановленіяхъ о судахъ чести даютъ

ся на этотъ случай указанія и вмѣняется въ обязанность командировъ дѣйствовать противъ такихъ офицеровъ установленнымъ порядкомъ.

Соотвѣтствующее мѣсто Введенія говоритъ:

«При этомъ (какъ при поддержаніи добрыхъ завѣтовъ рыцарскаго духа) совѣты чести *) должны быть исполнительнымъ органомъ командировъ, на обязанности которыхъ исключительно лежитъ отвѣтственность за правильное разрѣшеніе случающихся въ предѣлахъ ихъ служебной дѣятельности дѣлъ, подлежащихъ суду чести. Совѣты чести должны также оказывать своимъ совѣтомъ содѣйствіе тѣмъ изъ товарищей, которые обращаются къ нимъ въ подобныхъ дѣлахъ».

Это заключеніе получаетъ еще дальнѣйшее поясненіе въ предисловіи къ дополнительному постановленію отъ 1 января 1897 г., которое гласитъ такъ:

«Поэтому мнѣ желательно (раньше выражалось желаніе императора, чтобы теперь болѣе чѣмъ когда либо предупреждались поединки между офицерами), чтобы совѣтъ чести всѣми силами содѣйствовалъ правильному рѣшенію дѣлъ чести. Вмѣняя это себѣ въ долгъ, онъ долженъ при этомъ добросовѣстно стремиться къ тому,

.....
*) Совѣтъ чести (Ehrenrath) состоитъ изъ трехъ офицеровъ и играетъ роль первой судебной инстанціи, производя дознаніе и затѣмъ дѣлая о немъ докладъ суду чести съ присоединеніемъ своего отзыва.

чтобы привести дѣло къ полюбовному соглашенію».

Эта задача въ полномъ ея объемѣ по силамъ лишь людямъ, которые своею безупречною, примѣрною дѣятельностью, пріобрѣли полное уваженіе полковаго командира и товарищей, отличаются спокойствіемъ, ясностью и глубиною взглядовъ, быстротой и вѣрностью сужденія, словомъ тѣмъ лицамъ, которые благодаря своимъ личнымъ качествамъ пріобрѣли признанный всѣми авторитетъ.

Если ты вправѣ предположить, что каждый офицеръ по своимъ качествамъ одинаково достоинъ быть избраннымъ въ совѣтъ чести, то все-таки не долженъ забывать того, что требованіе быть ближайшимъ сотрудникомъ командира въ правильномъ рѣшеніи дѣлъ чести предполагаетъ также и внѣшнія дарованія, которыя имѣются не у всякаго. Въ одномъ случаѣ, напр., является необходимость ясно и убѣдительно обосновать свое собственное сужденіе—хотя бы оно и расходилось съ сужденіемъ самого полковаго командира,—соблюдая при этомъ требуемую формой почтительную вѣжливость; въ другомъ случаѣ встрѣчается необходимость сдѣлать подробное дознаніе съ ловкостью, энергіей, знаніемъ дѣла и тѣмъ тактомъ, котораго необходимо требуетъ щекотливость всякаго дѣла, касающагося чести. То совѣтъ чести долженъ устранить не-

доразумѣніе между товарищами, въ которомъ обѣ стороны равно правы или неправы, и привести ихъ къ соглашенію, равно удовлетворяющему всѣхъ; то долженъ рѣшить, возможно-ли еще соглашеніе или же требованія сословной чести вынуждаютъ искать другого исхода.

Вслѣдствіе этого, составъ совѣта чести (§§ 14—21) устанавливають лишь форму его избранія и могутъ быть здѣсь опущены) зависитъ отъ выбора товарищей. Введеніе говоритъ объ этомъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ:

«Ставя избраніе членовъ совѣта чести въ офицерскихъ корпусахъ въ зависимость отъ выбора товарищей, я имѣю намѣреніе не только доставить командирамъ спеціальныя органы для рѣшенія дѣлъ чести, часто весьма затруднительныхъ, но и выдѣлить для этого лицъ, настолько пользующихся довѣріемъ своихъ товарищей, чтобы съ успѣхомъ разрѣшать дѣла чести своими разумными совѣтами. Я вполне увѣренъ въ томъ, что всякій офицеръ при выборѣ членовъ совѣта будетъ руководиться исключительно лишь высказаннымъ мною соображеніемъ».

Но несмотря на столь ясно выраженную монаршую волю, у многихъ офицеровъ, благодаря ошибочному взгляду, и теперь еще существуетъ обыкновеніе всякій разъ выбирать въ члены старшихъ въ чинѣ, не удостовѣрившись, обладаютъ ли они тѣми многосторонними дарованіями, ко-

торыхъ требуетъ отъ нихъ эта задача, какъ будто бы нужно было избрать совѣтъ чести лишь ради формы, а не для предоставленія командиру желательныхъ помощниковъ, могущихъ оказать товарищамъ дѣйствительную пользу своими совѣтами. Причина этого лежитъ въ томъ ошибочномъ воззрѣніи, что для старшаго офицера должно быть оскорбительно, если выборъ падеть на младшаго; но если бы это было справедливо, то воля монарха не предоставляла бы избранія членовъ совѣта чести на усмотрѣніе ихъ товарищей, но утвердила бы издавна существующій обычай избирать составъ совѣта изъ старшихъ въ чинахъ офицеровъ. Между тѣмъ тамъ, гдѣ подобныя опасенія вліяютъ рѣшающимъ образомъ на избраніе совѣта чести, приговоръ суда утрачиваетъ свою ясность.

Такимъ образомъ ни одинъ офицеръ, лишенный внѣшнихъ дарованій для отправленія этой тяжелой обязанности, не долженъ считать себя оскорбленнымъ, если выборъ палъ не на него. Скорѣе, мнѣ кажется, онъ долженъ быть благодаренъ тому, что избавленъ отъ сомнительнаго и въ высшей степени тягостнаго положенія, въ которое неминуемо долженъ быть поставленъ въ томъ случаѣ, если какой-нибудь печальный случай призоветъ его къ исполненію этой обязанности,

Перехожу къ третьему вопросу.

Какой цѣли служатъ суды чести и каковъ порядокъ ихъ судопроизводства?

По § 1 постановленій, суды чести должны имѣть въ виду слѣдующую цѣль:

1. «Подвергать взысканію указаннымъ въ сихъ постановленіяхъ порядкомъ тѣхъ офицеровъ, поведеніе которыхъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ истинной чести или офицерскаго званія, и способствовать немедленному удаленію изъ офицерскаго сословія недостойныхъ его членовъ въ томъ случаѣ, когда это требуется для сохраненія чести сословія незапятнанной; а также:

2. «Содѣйствовать очищенію чести офицеровъ отъ неосновательныхъ подозрѣній, когда для этого не представляется никакихъ другихъ соотвѣствующихъ офицерскому званію путей».

Такимъ образомъ ты можешь видѣть, что на суды чести возложена двойная задача: карать тѣхъ офицеровъ, которые запятнали чѣмъ-либо свою честь, и возстановлять репутацію тѣхъ, которые подверглись незаслуженному подозрѣнію въ оскорбленіи чести,—но послѣднее лишь тогда, *когда для нихъ закрыты другіе приличные ихъ званію пути*.

Послѣднее добавленіе, вытекающее изъ духа всего постановленія, для насъ весьма важно, такъ какъ ясно показываетъ намъ, что хотя мы и сами должны охранять нашу честь, но когда для насъ закрыты другіе достойные офицера пути,

мы можемъ найти надежную защиту лишь въ средѣ офицерской корпораціи. Вспомни тотъ лозунгъ, которому долженъ слѣдовать офицеръ въ дѣлѣ чести: «Одинъ за всѣхъ и всѣ за одного».

Какого рода могутъ быть неосновательныя подозрѣнія, затрогивающія честь офицера, которыя онъ долженъ опровергать другимъ соотвѣтствующимъ его званію путемъ, я объясню подробнѣе въ концѣ этого письма, сперва же разсмотрю, насколько разрѣшаются судомъ чести обѣ вышеупомянутыя задачи.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ § 1, § 2 гласить такъ:

«Суду чести подлежатъ:

а) всѣ поступки офицеровъ, противныя понятію истинной чести или доблестному положенію офицерскаго званія и вслѣдствіе этого задѣвающие или оскорбляющіе честь сословія;

б) тѣ случаи, когда офицеры для защиты своей чести ходатайствуютъ о рѣшеніи дѣла судомъ чести».

Что нужно подразумѣвать подъ поступками, упомянутыми въ первомъ изъ приведенныхъ выше параграфовъ,—въ постановленіи нигдѣ не объясняется, но введеніе даетъ на это важный намекъ, а именно, на стр. 8 въ концѣ 2-й статьи говорится:

«Случаи, въ которыхъ требуется подобное вмѣшательство судовъ чести, не могутъ быть въ точ-

ности опредѣлены заранѣе; но исходной точкой въ опредѣленіи отдѣльныхъ случаевъ можетъ служить выраженная мною (во введеніи) воля».

И дѣйствительно, ты нигдѣ не можешь найти для себя болѣе вѣрной путеводной нити, какъ эти простыя, но сильныя и прекрасныя слова монарха во введеніи. Храня ихъ въ своемъ сердцѣ, ты не собьешься съ истиннаго пути и будешь гордиться честью принадлежать къ сословію, призванному защищать престолъ и отечество. Пусть они, такъ сказать, войдутъ въ твою плоть и кровь и управляютъ всѣми твоими дѣйствіями и помыслами.

Положимъ, ты можешь надѣяться на то, что разъ соблазнившись по необходимости или по слабости воли на поступокъ, несовмѣстимый съ понятіемъ объ истинной чести, ты скоро снова одумаешься и исправишь свой поступокъ, но то ли самое происходитъ съ упущеніями, возникающими вслѣдствіе твоей небрежности? Въ этомъ случаѣ тебя можетъ остановить и остеречь лишь голосъ совѣсти и вѣрное чувство товарищества.

Какъ легко подвергается человѣкъ опасности поддаться вліянію эгоизма и склонности къ спокойствію и какъ ему легко тогда совершить проступокъ противъ добропорядочности и правилъ общежитія!

Благодаря упущеніямъ, возникающимъ вслѣдствіе нерадивости, честь офицера равнымъ обра-

зомъ подвергается нареканію, такъ какъ она состоитъ въ самоотверженномъ исполненіи всѣхъ даже самыхъ незначительныхъ обязанностей не только на службѣ, но и внѣ службы, въ общественной жизни, согласно духу рыцарству, присущему офицерскому сословію.

Точно также ты не долженъ оставлять безъ вниманія то, что дѣлается или говорится во вредъ чужой чести, такъ какъ иначе ты въ силу привычки можешь впасть въ равнодушіе, притупляющее тонкое чувство чести. Если же, смотря по обстоятельствамъ, иногда лучше закрыть глаза и уши, то я могу лишь посовѣтовать тебѣ донести о такомъ случаѣ совѣту чести и просить его рѣшенія. Но я настоятельно предостерегаю тебя не смотрѣть при этомъ на приговоръ суда какъ на постановленіе избавляющее тебя отъ всякаго дальнѣйшаго обязательства (уже не мало офицеровъ запаса искупили горькими послѣдствіями эту роковую ошибку!), такъ какъ донесеніе совѣту чести не освобождаетъ никого отъ личной отвѣтственности.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ упущеніи, благодаря которому не одинъ, самъ по себѣ честный, товарищъ былъ удаленъ, какъ недостойный, изъ офицерской среды,—я говорю о стремленіи затянуть время въ дѣлѣ чести по недостатку воли и энергіи. Каждое подобное дѣло настоятельно требуетъ скорѣйшаго рѣшенія. Все

время, пока длятся переговоры, честь замѣшанныхъ въ это дѣло лицъ покрыта нѣкоторою тѣнью, и кто не снѣшить согнать эту тѣнь, тотъ подвергается опасности обратить ее въ непроницаемый туманъ, въ которомъ потонетъ чистый образъ его чести. Подобная нерадивость наноситъ ущербъ, если не прямое оскорбленіе чести и ясно обнаруживаетъ недостатокъ пониманія того истиннаго чувства чести, которое выражается во введеніи въ словахъ монарха, обращенныхъ къ офицерамъ,—того чувства чести, которое благодаря своему внутреннему достоинству пріобрѣтаетъ уваженіе всѣхъ сословій, требуя и внѣшняго признанія этого достоинства; такое чувство чести не замѣняетъ послѣднее высокомеріемъ и не понимаетъ возможности не только оскорбить, но и задѣть чью либо честь.

Скажу еще нѣсколько словъ о § 26, въ силу котораго, какъ ты видѣлъ, судамъ чести подлежатъ еще тѣ случаи, когда офицеръ обращается къ ихъ посредству для защиты своей чести. Считаю нужнымъ обратить твое вниманіе на то, что полковымъ командирамъ дано право отклонять это ходатайство въ томъ случаѣ, если они, принявъ въ соображеніе всѣ обстоятельства, найдутъ его неосновательнымъ; но и ходатайствующему разрѣшается обратиться за рѣшеніемъ къ слѣдующему высшему начальнику и обжаловать даже и это рѣшеніе прошеніемъ на Высочайшее имя (§ 30).

Какъ явствуетъ изъ §§ 1 и 2, судъ чести можетъ дѣйствовать лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о возстановленіи запятнанной чести офицера, или когда офицеръ обращается къ защитѣ суда чести, слѣдовательно лишь на основаніи донесенія или ходатайства; и я желалъ бы сперва обратить твое вниманіе на § 22, который даетъ тебѣ право:

«Доводить до свѣдѣнія совѣта чести или непосредственнаго начальника провинившагося о тѣхъ проступкахъ и упущеніяхъ офицера, состоящаго на службѣ нѣмецкой арміи или флота, которые задѣваютъ и оскорбляютъ его честь или честь сословія.»

Одновременно съ этимъ § 23 вмѣняетъ совѣту чести въ непремѣнный долгъ то, что въ § 22 предоставляется другимъ офицерамъ лишь какъ право.

Эти постановленія снова указываютъ на тѣсную связь между честью отдѣльнаго офицера и честью всей корпораціи, и на высокую обязанность товарищества судить проступки своихъ членовъ, гдѣ бы они не находились: въ войскѣ, флотѣ или императорской гвардіи.

Предсѣдательство на судахъ чести, а также непосредственное наблюденіе и отвѣтственность за дѣлопроизводство возложено всецѣло на полковыхъ и равныхъ имъ по власти командировъ, которымъ во введеніи еще настоятельнѣе указы-

вается на особенную важность приговора суда чести:

«При этомъ я увѣренъ, что начальники, справедливо оцѣнивая всю важность власти, представленной имъ въ видахъ сохраненія дисциплины и поддержанія ихъ авторитета, изъемятъ изъ вѣдѣнія судовъ чести тѣ случаи, которые удобно могутъ быть разрѣшаемы дисциплинарнымъ порядкомъ.»

Такимъ образомъ, полковые командиры сохраняютъ за собой полную, нераздѣльную отвѣтственность, но въ виду затруднительныхъ, часто запутанныхъ и неясныхъ обстоятельствъ, встрѣчающихся при разборѣ такихъ дѣлъ, въ помощь имъ учреждены совѣты чести, дѣятельность которыхъ достаточно опредѣлена въ §§ 22—26; а по отношенію къ § 24, въ которомъ говорится о порядкѣ дознанія, на стр. 9 введенія мы находимъ слѣдующее разъясненіе:

«Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ совѣты и суды чести, имѣя въ виду поддержаніе сословной чести, въ то же время должны при разборѣ дѣлъ сохранять характеръ доброжелательства по отношенію къ обвиняемымъ. Судопроизводство должно ограничиваться обсужденіемъ обвинительныхъ пунктовъ и не касаться побочныхъ обстоятельствъ, или затрудняться—и задерживаться ненужными формальностями. При этомъ здѣсь снова строго воспрещается распространять свѣдѣнія о дѣ-

лахъ офицерскаго корпуса внѣ его круга, если къ тому не понуждаетъ самая неотложная необходимость.»

Какое глубокое пониманіе дѣла, какое ясное сужденіе, какое тонкое чувство такта и деликатности требуется при этомъ!

Разумѣется дознаніе должно вестись крайне энергично, чтобы проступокъ вполнѣ выяснился изъ хода дѣла и чтобы честь сословія осталась неприкосновенною. Въдѣ здѣсь не преступникъ стоитъ передъ слѣдователемъ, какъ въ уголовномъ судѣ, а товарищъ передъ товарищемъ; и дѣло идетъ не о томъ, чтобы пролить свѣтъ на обыкновенное преступленіе, подлежащее общему закону о наказаніяхъ, но о томъ, чтобы снова возстановить опороченную честь; поэтому совѣтъ чести, хотя и долженъ стремиться выяснитъ сущность дѣла, но не можетъ выходить изъ предѣловъ обсужденія обыкновенныхъ пунктовъ и замедлять понапрасну дѣлопроизводство; главнымъ образомъ при допросѣ свидѣтелей, не принадлежащихъ къ офицерскому сословію, нужно твердо остерегаться разглашать внутреннія дѣла офицерскаго корпуса, сообщая ихъ лицамъ, не принадлежащимъ къ военной корпораціи.

Если командиръ по мѣрѣ дознанія получить убѣжденіе, что поступокъ обвиняемаго подлежитъ суду чести, то представляетъ всѣ свѣдѣнія, собранныя во время производства дознанія, съ при-

соединеніемъ мнѣнія совѣта чести, тому начальнику, которому предоставлено право утверждать порядокъ судопроизводства, и тогда совѣту чести предстоитъ произвести дальнѣйшее слѣдствіе, руководствуясь формальными правилами, означенными въ §§ 34—41, изъ которыхъ послѣдній кажется мнѣ въ особенности достойнымъ замѣчанія. Этотъ параграфъ гласитъ такъ:

«Ему (обвиняемому) разрѣшается просить совѣтъ чести занести его защиту въ протоколъ или предъявить собственноручно составленное письменное оправданіе, а также устно повторить или дополнить свою защиту передъ судомъ чести въ полномъ его составѣ. Обвиняемый можетъ также просить кого-либо изъ офицеровъ письменно изложить его защиту, если только тотъ чиномъ не ниже его самого.»

Для обвиняемаго офицера это постановленіе весьма важно, такъ какъ вообще нужно согласиться съ тѣмъ, что всякій самъ себѣ плохой адвокатъ въ такихъ щекотливыхъ и подчасъ запутанныхъ дѣлахъ, какъ дѣла чести. Но и помимо этого я нахожу защиту совершенно безпристрастнаго товарища гораздо болѣе дѣйствительной, въ особенности когда она излагается въ ясныхъ выраженіяхъ и подкрѣпляется основательными доводами, хотя и безъ особеннаго краснорѣчія. Ни одинъ офицеръ не долженъ отказываться отъ этой обязанности, которая представляетъ хотя и

трудную, но прекрасную и почетную задачу даже и въ томъ случаѣ, если защитникъ не убѣжденъ въ невинности своего кліента; въ этомъ случаѣ онъ долженъ, хотя можетъ быть и тщетно, постараться найти извиняющія или смягчающія вину обстоятельства, которыя несмотря на признаніе вины, могли бы повести за собою болѣе снисходительный приговоръ суда чести. Подобная защита можетъ вестись вполне чисто-сердечно, но защитникъ долженъ остерегаться того, чтобы не добиваться оправданія или слишкомъ мягкаго приговора наперекоръ своему собственному, болѣе правильному убѣжденію, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ самъ можетъ стать въ противорѣчіе со своими обязанностями и подвергнуться опасности нарушить законы сословной чести.

Подачею письменной защиты заканчивается дознаніе; затѣмъ по распоряженію командира созывается собраніе членовъ суда чести (см. §§ 46 и 47) и засѣданіе открывается напоминаніемъ, сформулированнымъ въ § 50:

«Подавать свои голоса, какъ подобаетъ благороднымъ людямъ, безъ всякаго пристрастія, по долгу и совѣсти, принимая въ соображеніе особенныя обстоятельства дѣла, имѣвшія вліяніе на совершеніе проступка».

Судъ начинается чтеніемъ актовъ и слѣдующей за ними защитой и затѣмъ, по удаленіи обвиняе-

маго (если онъ вообще присутствовалъ на судѣ), заканчивается словеснымъ обсужденіемъ, которое ведется подъ предсѣдательствомъ командира и опирается на письменный отзывъ со стороны совѣта чести, послѣ чего слѣдуетъ постановленіе приговора.

Ты долженъ обратить вниманіе на то, что, какъ я сказалъ, отзывъ совѣта чести составляетъ основаніе, на которое опирается все обсужденіе дѣла, этимъ ясно указывается на высокое его значеніе, такъ какъ такой отзывъ разрѣшаетъ двойную задачу совѣта чести—служить въ помощь командиру при разборѣ дѣлъ чести и вмѣстѣ съ тѣмъ быть вѣрнымъ совѣтникомъ товарищей.

Чтобы соответствовать этой двойной цѣли, отзывъ долженъ отличаться точностью выраженій и, несмотря на обязательную краткость, обладать ясностью, не возбуждающею никакихъ превратныхъ толкованій, правильно освѣщать всѣ стороны дѣла, съ надлежащей оцѣнкой проступка и принятіемъ во вниманіе особенныхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на совершеніе проступка, и наконецъ, постановлять безпристрастный приговоръ и точно опредѣленное наказаніе.

Въ постановленіи нигдѣ не указано, какимъ образомъ командиръ долженъ руководить обсужденіемъ, но безъ сомнѣнія онъ имѣетъ право придавать надлежащій вѣсъ своему собственному

мнѣнію и, посредствомъ словеснаго обсужденія мнѣній, несходныхъ съ его взглядами, обстоятельно выяснить дѣло, направляя его такъ, чтобы приговоръ состоялся всецѣло «по долгу и совѣсти».

При такомъ порядкѣ, каковъ бы ни былъ исходъ дѣла, покажется ли онъ инымъ слишкомъ суровымъ или слишкомъ снисходительнымъ,—призванный къ постановленію приговора офицеръ не долженъ забывать, что дознаніе велось совѣтомъ чести, избраннымъ имъ самимъ въ силу довѣрія къ его строгой справедливости и безпристрастію, подъ руководствомъ его испытаннаго и богатаго опытомъ командира; онъ долженъ быть увѣренъ, что эти лица въ теченіе всего дознанія взвѣшивали всѣ доводы за и противъ, руководясь чувствомъ доброжелательства къ обвиняемому, и составили свой отзывъ лишь послѣ зрѣлаго и многократнаго размышленія; онъ долженъ помнить, что ни въ какомъ случаѣ не поступить противъ долга и совѣсти, если подчинить свое быть можетъ и достаточно зрѣлое сужденіе мнѣнію достойнаго, болѣе богатаго опытомъ лица. И послѣ обстоятельныхъ разъясненій, въ которыхъ ему разумѣется не будетъ отказано, его сомнѣнія постепенно разсѣются и обсужденіе дѣла приведетъ къ единодушному приговору, а такой приговоръ еще разъ послужитъ доказательствомъ того, что данный корпусъ офицеровъ

проникнуть единодушіемъ, которое можетъ сообщить лишь тѣсная товарищеская сплоченность и высоко развитое чувство чести.

Мнѣ остается лишь перейти къ вопросу о постановленіи самихъ приговоровъ; они, по § 51, могутъ быть слѣдующіе:

«1. Признаніе неподсудности, если судъ чести выражаетъ мнѣніе, что данный случай вообще не подлежитъ разсмотрѣнію въ судѣ чести, или что дѣло должно быть разсмотрѣно другимъ составомъ суда;

«2. Производство дополнительнаго дознанія, если судъ чести признаетъ таковое возможнымъ и необходимымъ для составленія опредѣленнаго мнѣнія;

«3. Оправданіе, если судъ чести убѣдился, что приписываемое обвиняемому оскорбленіе чести сословія не имѣло мѣста;

«4. Признаніе виновнымъ въ оскорбленіи чести сословія съ объявленіемъ ему выговора, если судъ чести убѣдился, что совершенный обвиняемымъ проступокъ не сдѣлалъ его недостойнымъ оставаться на службѣ;

«5. Признаніе виновнымъ въ оскорбленіи чести сословія съ простымъ увольненіемъ отъ службы, если судъ чести убѣдился, что обвиняемый не можетъ оставаться на службѣ;

«6. Признаніе виновнымъ въ оскорбленіи чести сословія, при отягчающихъ вину обстоятель-

ствахъ, съ лишеніемъ офицерскаго званія, если судъ чести убѣдился, что обвиняемый болѣе недостойнъ принадлежать къ офицерскому сословію.

Ты видишь, что приговоры суда чести, исключая случаевъ 1 и 2, не ведущихъ прямо къ разрѣшенію дѣла, вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣли, указанной въ § 1 постановленія, такъ какъ оправданіемъ возстановляется несправедливо заподозрѣнная честь офицера, объявленіемъ выговора—подвергается взысканію тотъ, чей поступокъ несовмѣстимъ съ понятіемъ о воинской чести, а удаленіемъ со службы или окончательнымъ лишеніемъ офицерскаго званія исключается изъ офицерской среды недостойный ея членъ.

Оправданіе возможно лишь тогда, когда невиновность подсудимаго вполнѣ доказана. Оправданіе «по недостатку уликъ», какъ это бываетъ въ уголовномъ преступленіи, не мыслимо въ дѣлахъ чести, такъ какъ на чести офицера не должно оставаться никакого пятна. Въ томъ случаѣ, если изъ обстоятельствъ судъ не можетъ вынести убѣжденія ни въ томъ, что обвиняемый дѣйствительно оскорбилъ честь сословія приписываемымъ ему поступкомъ, ни въ томъ, что онъ невиновенъ, и такимъ образомъ не въ состояніи составить опредѣленнаго мнѣнія, то по § 51, 1 необходимо дополнительное дознаніе. Если же судъ чести, по разсмотрѣніи дѣла, пришелъ къ

убѣжденію, что обвиняемый дѣйствительно совершилъ проступокъ противъ чести, то онъ долженъ тщательно взвѣсить степень вины, съ принятіемъ въ соображеніе особенныхъ вліявшихъ на совершеніе проступка обстоятельствъ, и точно установить, имѣло ли здѣсь мѣсто легкое нанесеніе ущерба чести или прямое оскорбленіе ея, или, наконецъ, даже оскорбленіе при отягчающихъ вину обстоятельствахъ.

Установить эти границы не всегда легко, и мнѣ кажется, что долгъ и совѣсть можетъ въ данномъ случаѣ привести офицера—главнымъ образомъ молодого—къ неоднократному внутреннему разладу, между тѣмъ какъ болѣе строгій приговоръ лучше всего разрѣшаетъ всякое противорѣчіе. Хотя бы приговоръ и казался слишкомъ суровъ, онъ никогда не можетъ быть несправедливъ, и каждый офицеръ знаетъ, что онъ можетъ быть смягченъ съ высочайшаго соизволенія Государя Императора, если обстоятельства дѣлаютъ это желательнымъ.

Приговоръ суда постановляется большинствомъ голосовъ; при равенствѣ голосовъ рѣшающее значеніе имѣетъ голосъ полковаго командира или равнаго ему по власти начальника; тѣмъ не менѣе постановленіе суда чести не имѣетъ еще силы до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ на то утвержденіе Его Величества Императора (§ 60).

Результатъ голосованія (§ 58) тотчасъ же сообщается суду чести съ предупрежденіемъ:

«до объявленія приговора не сообщать обвиняемому о ходѣ дѣла», причемъ добавляется: «кто дѣйствуетъ не согласно съ этимъ, тотъ нарушаетъ долгъ офицерскаго званія».

Остальные §§, о которыхъ я не упоминалъ, носятъ чисто формальный характеръ или, какъ мнѣ кажется, не требуютъ поясненій, и я могъ бы на этомъ кончить свое письмо, если бы не считалъ нужнымъ, согласно раньше данному обѣщанію, еще разъ вернуться къ § 1, 2 постановленія, въ которомъ хотя и указано назначеніе судовъ чести очищать честь офицеровъ отъ неосновательныхъ подозрѣній, но съ существеннымъ, достойнымъ замѣчанія, ограниченіемъ: «если при этомъ закрыты другіе соответственные офицерскому званію пути». Это приводитъ меня къ обсужденію четвертаго и послѣдняго вопроса:

Какого рода тѣ неосновательныя подозрѣнія въ недостатокъ честности, которыя офицеръ долженъ опровергать другимъ соответствующимъ его званію путемъ, и какого рода этотъ путь?

Постановленіе указываетъ средства къ которымъ нужно обращаться въ тѣхъ случаяхъ, когда честь дѣйствительно потерпѣла ущербъ или когда желательно очиститься отъ неосновательныхъ подозрѣній съ помощью суда чести. Здѣсь же ты вдругъ встрѣчаешься съ требованіемъ, чтобы офи-

перъ по возможности очистился отъ подозрѣній своими собственными средствами. Ясно, что это возможно лишь тогда, когда честь сама по себѣ осталась еще чистой и незапятнанной, но лишилась внѣшняго признанія ея чистоты со стороны третьяго лица.

Какъ, напр., драгоценное ожерелье не теряетъ своей цѣнности, если упадетъ въ грязь, такъ точно и внутреннее достоинство чести остается неприкосновеннымъ, когда зависть, злоба, месть и другія низкія качества обдають ее снаружи своею грязью. Но подобно тому, какъ ожерелье должно быть очищено отъ грязи, чтобы снова получить свой блескъ и чтобы цѣнность его признавалась не только его владѣльцемъ, но и всѣми окружающими, такъ и честь, запятнанная постороннимъ лицомъ, должна быть очищена отъ этого пятна, чтобы проявить для каждого свою внутреннюю чистоту и достоинство.

Это сравненіе поведетъ тебя къ правильному взгляду на вещи и ты поймешь безъ моихъ поясненій, что подъ «неосновательными подозрѣніями», о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, подразумеваются лишь такія обвиненія, которыя заключаютъ въ себѣ умысленныя или неумысленныя оскорбленія чести и которыя служатъ основою всѣхъ ссоръ, всѣхъ такъ называемыхъ дѣлъ чести.

На вопросъ, какъ можешь ты опровергнуть эти подозрѣнія путемъ соотвѣтствующимъ твоему

званію, врядъ-ли ты найдешь какіе-либо опредѣленныя указанія въ постановленіяхъ о судахъ чести, но старинные рыцарскіе нравы завѣщали намъ такое испытанное средство, которое всякій офицеръ можетъ избрать безъ колебанія, если будетъ поставленъ въ печальное и безвыходное положеніе,—я говорю здѣсь о поединкѣ.

Въ какой формѣ послѣдній долженъ употребляться, объ этомъ я по говорю въ слѣдующемъ письмѣ; теперь же ограничусь разсмотрѣніемъ вопроса, не существуетъ ли средства предупредить дѣла чести и даже сдѣлать ихъ невозможными.

Съ теоретической точки зрѣнія я долженъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, такъ какъ никакое дѣло чести не возникнетъ тогда, когда мы научимся цѣнить честь нашихъ ближнихъ выше нашей собственной и будемъ бороться съ злыми побужденіями нашего сердца. Но мы люди и должны считаться съ человѣческими слабостями; поэтому мы хотя и обязаны стремиться къ идеалу, но никогда не можемъ достигнуть его. По тому же самому невозможно совершенно уничтожить дѣлъ оскорбленія чести, и въ нашей власти только сдѣлать ихъ болѣе рѣдкими и заботиться о прекращеніи ихъ въ зародышѣ. Какія средства могутъ помочь въ данномъ случаѣ—объ этомъ я уже говорилъ тебѣ въ своихъ предыдущихъ письмахъ о чести, чест-

номъ поведеніи и товариществѣ. Обращаю твое вниманіе лишь на то, что относительно оскорбленій по службѣ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разрѣшаемы лично, имѣются особыя постановленія въ предписаніяхъ о порядкѣ принесенія жалобъ, и что вслѣдствіе этого дѣло объ оскорбленіи чести можетъ возникнуть лишь во внѣ-служебныхъ сношеніяхъ. Это раздѣляетъ рассматриваемый мною вопросъ на двѣ части, а именно:

а) *Дѣло объ оскорбленіи чести, возникающее между офицерами.*

б) *Дѣло объ оскорбленіи чести между офицеромъ и гражданскимъ лицомъ.*

Прежде всего я хочу опровергнуть ошибочный взглядъ многихъ вольноопредѣляющихся, считающихъ себя въ правѣ требовать удовлетворенія отъ офицера, который по ихъ мнѣнію оскорбилъ ихъ на службѣ или при обстоятельствахъ, имѣющихъ тѣсную связь со службой. Но вольноопредѣляющіеся, такъ же какъ и офицеры, должны руководствоваться въ этихъ случаяхъ лишь указанными имъ постановленіями о жалобахъ, и если они не желаютъ искать удовлетворенія этимъ единственнымъ законнымъ путемъ, то имъ ничего болѣе не остается, какъ только оставить данный случай безъ послѣдствій, такъ какъ ни одинъ офицеръ не обязанъ смотрѣть на оскорбленія, случающіяся на службѣ,

какъ на дѣла чести и разрѣшать ихъ въ этомъ смыслѣ.

Можно вообразить себѣ, къ чему бы это привело!

Послѣ этого небольшого отступленія, обращаюсь снова къ вопросу о дѣлахъ чести, причемъ сперва поговорю

а) о дѣлахъ чести между офицерами.

Изъ словъ введенія, стр. 9, гл. 2:

«Находясь въ увѣренности, что благородные нравы и добропорядочность прочно укоренились въ корпусѣ офицеровъ моей арміи, и что отнынѣ частныя ссоры и оскорбленія будутъ все рѣже и рѣже случаться между офицерами симъ отмѣняю постановленіе II отъ 10 іюля 1843 г.»

ты можешь заключить, что съ 43 года существовало еще особое постановленіе для разрѣшенія дѣлъ чести, и что оно было отмѣнено изъ довѣрія къ добропорядочности офицерскаго сословія. Кромѣ отраднаго проявленія высокаго довѣрія Его Величества къ своимъ офицерамъ, тебя долженъ радовать и ободрять тотъ фактъ, что случаи взаимныхъ оскорбленій между офицерами дѣлаются все рѣже; это двойное сознаніе должно усиливать стремленіе каждаго офицера въ дальнѣйшемъ все болѣе и болѣе избѣгать бесполезныхъ и недостойныхъ ссоръ, чтобы еще болѣе оправдать довѣріе своего монарха.

Въ подобныхъ печальныхъ столкновеніяхъ, чѣмъ сильнѣе нанесенное оскорбленіе, тѣмъ, разумѣется, значительнѣе преступленіе противъ чести; оно можетъ даже оказаться столь значительнымъ, что обидчикъ, по приговору суда чести, будетъ признанъ недостойнымъ оставаться на службѣ или въ офицерскомъ званіи, какъ это видно изъ введенія, которое въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ говоритъ такъ:

«Это (разсмотрѣніе дѣла въ судѣ чести) въ особенности должно быть сдѣлано въ томъ случаѣ, если офицеръ безъ всякаго повода дерзко нанесетъ тяжелое оскорбленіе товарищу. Того офицера, который въ состояніи дерзко оскорбить своего товарища, я столь же мало потерплю въ своей арміи, какъ и офицера, не умѣющаго охранять свою честь».

Дерзкимъ я называю то оскорбленіе, которое обнаруживаетъ намѣреніе повредить или нанести смертельный ударъ нравственному достоинству оскорбляемаго, а также то, которое наносится подъ вліяніемъ преступнаго легкомыслія.

Къ счастью, лишь послѣднее въ большинствѣ случаевъ служитъ причиною столкновений, и такіе случаи составляютъ исключеніе изъ того правила, что болѣе тяжкія оскорбленія между офицерами всегда являются лишь слѣдствіемъ печальныхъ недоразумѣній, могущихъ случайно вовлечь даже и вполне порядочныхъ людей въ

такое дѣло чести, которое не можетъ быть прекращено какимъ либо соглашеніемъ, но должно быть рѣшено оружіемъ.

Но и въ такихъ случаяхъ быстрое и надлежащее разрѣшеніе столкновенія въ духѣ постановленія о судахъ чести есть долгъ совѣсти; всякое замедленіе и проволочка сами по себѣ составляютъ проступокъ противъ чести.

Напомню здѣсь снова предисловіе къ дополнительному постановленію, уже упомянутое мною въ этомъ письмѣ, а именно:

«просьба о прощеніи, исходящая изъ раскаявшагося сердца, не наноситъ безчестія, но напротивъ того, обнаруживаетъ рыцарское благородство; слѣдовательно, она не противна чувству чести, а скорѣе сама проистекаетъ изъ него; и для оскорбленнаго является безусловнымъ долгомъ принять протянутую для примиренія руку, насколько это позволяетъ сословная честь и правила нравственности».

Можетъ ли онъ поступить иначе, если руководится лишь чувствомъ чести, а не тщеславіемъ, оскорбленной гордостью или злобой?

Но гдѣ личное объясненіе невозможно, такъ какъ лишь могло бы еще больше усилить происшедшее недоразумѣніе, тамъ нужно искать спокойнаго, разумнаго посредника, пользующагося уваженіемъ съ обѣихъ сторонъ и подчиниться его рѣшенію, какъ приговору безпристрастнаго

судьи. Если въ дѣлахъ чести офицерами будетъ руководить готовность просить прощенія или простить самимъ, смотря по тому, являются ли они обидчиками или обиженными, то прискорбныя послѣдствія такого дѣла—дуэли—будутъ случаться все рѣже и рѣже и даже считаться вовсе невысказанными между офицерами, которые соединены между собой священными, неразрывными узами товарищества и одинаково высоко ставятъ обязанности и права вѣрныхъ защитниковъ престола и отечества.

Чтобы сдѣлать это возможнымъ, Его Величество императоръ германскій соизволилъ 1 января 1897 г. дополнить постановленія о судахъ чести отъ 2 мая 1874 г. Въ началѣ этого приказа говорится:

«Я желаю, что-бы поединки между моими офицерами были избѣгаемы болѣе, чѣмъ прежде», и дальше:

«Поэтому мнѣ желательно, чтобы совѣтъ чести всѣми силами содѣйствовалъ разрѣшенію дѣлъ чести. Повинуясь этому долгу, онъ долженъ добросовѣстно стремиться привести дѣло къ соглашенію».

Ты видишь, что въ то время, какъ постановленія 1874 г. не дають никакихъ опредѣленныхъ правилъ для разрѣшенія дѣлъ чести, кромѣ общихъ указаній совѣтамъ чести, въ дополненіи вполнѣ ясно выражена положительная воля монарха.

Согласно съ нею, офицеръ долженъ считать несправедливостью задѣвать честь другого и если онъ уже провинился въ этомъ, то его обязанность не упорствовать въ своей винѣ, а способствовать примиренію, разъ это дозволяетъ сословная честь и требованіе нравственности. При такомъ требованіи не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія: лишь сословная честь и правила нравственности могутъ рѣшить, возможно ли любовное соглашеніе или же нужно искать удовлетворенія лишь съ помощью оружія.

Изъ этого дополненія вытекаетъ слѣдующее:

1. Должно избѣгать всякаго поединка, разъ только дозволяетъ это сословная честь и правила нравственности.

2. Слѣдуетъ просить извиненія и принимать протянутую для примиренія руку.

3. Если недоразумѣніе этимъ не устраняется, то нужно обратиться за содѣйствіемъ къ совѣту чести.

4. Противникамъ, т. е. оскорбителю и оскорбленному, предоставляется право въ трехдневный срокъ подать командиру жалобу на приговоръ совѣта чести, предписывающій имъ примириться или считать свою честь незатронутой.

5. Состоявшееся, согласно приговору суда чести, примиреніе или признаніе совѣтомъ отсутствія оскорбленія предписываетъ какъ противникамъ, такъ и всему корпусу офицеровъ считать ссору окончательно прекращенной.

6. Если офицеръ, помимо совѣта чести или до утвержденія приговора совѣта, или же несмотря на утвержденный приговоръ, предписывающій примириться или считать честь свою незатронутой,—или наконецъ, не дожидаясь Высочайшей резолюціи, вызоветъ другого офицера на поединокъ или приметъ отъ него подобный же вызовъ, то подобный поступокъ представляется на усмотрѣніе его Величества.

Изъ этого ясно слѣдуетъ, что совѣтъ долженъ прежде всего стремиться прекратить всякую ссору путемъ соглашенія, если только этого не воспрепятствуютъ законы чести и нравственности; притомъ соглашеніе должно быть въ смыслъ примиренія; если же оно немыслимо, то совѣтъ долженъ заявить о необходимости рѣшенія дѣла судомъ чести.

Перехожу теперь ко второму роду дѣлъ чести:

в) *Дѣла чести между офицеромъ и гражданскимъ лицомъ или офицеромъ, не подлежащимъ суду чести.*

«Если офицеръ войдетъ въ столкновение съ офицеромъ, не подлежащимъ суду чести, или съ лицомъ гражданскимъ, то равнымъ образомъ долженъ безотлагательно сообщить о томъ совѣту чести въ томъ случаѣ, когда не находится иной возможности прекратить недоразумѣніе путемъ соответствующаго воинской чести соглашенія».

Такъ гласить § 9 Высочайшаго дополнительнаго постановленія; изъ него ты видишь, что при рѣшеніи дѣлъ чести, между офицерами или между офицеромъ и гражданскимъ лицомъ не дѣлается никакой разницы: какъ тамъ, такъ и здѣсь является обязательнымъ немедленно доводить объ этомъ до свѣдѣнія совѣта чести.

Но изъ духа всего постановленія вытекаетъ, что поединокъ долженъ быть всегда избѣгаемъ, если только возможно хоть какое-либо соглашеніе безъ оскорбленія сословной чести; поэтому и при столкновеніи съ лицомъ гражданскимъ, офицеръ обязанъ остерегаться всего, что можетъ препятствовать примиренію или сдѣлать его совсѣмъ невозможнымъ, въ особенности тогда, когда онъ самъ виновникъ ссоры, такъ какъ, по словамъ постановленія:

«офицеръ долженъ считать несправедливостью затрогивать честь *другого*. Если онъ окажется въ этомъ виновенъ, то поступить по рыцарски, не упорствуя въ своей винѣ, но протягивая руку для примиренія».

Обращаю твое особенное вниманіе на то, что слово *другого* написано крупными буквами и не относится къ слову офицеръ,—поэтому въ выраженіи: «офицеръ долженъ считать несправедливостью затрогивать честь *другого*»—слово «другого» означаетъ не «другого офицера», а «другого человека», такъ какъ несомнѣнно, что

каждый человекъ имѣть свою личную честь или по крайней мѣрѣ долженъ имѣть ее; честь же есть неприкосновенная святыня всякаго, безъ различія лица, званія и имени,—стало быть въ этомъ отношеніи и честь простолюдина должна быть для тебя такъ же священна, какъ и твоя собственная.

Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ лишь о тѣхъ гражданскихъ лицахъ, которые могутъ дать удовлетвореніе, и потому надлежитъ подробнѣе рассмотреть вопросъ, какія лица можно причислить къ этому разряду.

Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что лишь тотъ можетъ затронуть честь офицера, кто самъ считаетъ честь своимъ драгоценнымъ сокровищемъ и подобно офицеру требуетъ также внѣшняго признанія этого внутренняго достоинства, кто каждую минуту готовъ пожертвовать своею жизнью, чтобы только сохранить свою честь незапятнанной. Слѣдовательно, ты долженъ считать способными дать удовлетвореніе всѣ тѣ сословія, которыя составляютъ такъ называемое порядочное общество и не исключены изъ круга знакомства офицеровъ. Здѣсь не можетъ быть указано опредѣленныхъ границъ; собственное чувство такта должно руководить офицеромъ въ этомъ отношеніи; когда же возникаютъ какія-либо сомнѣнія, то ихъ долженъ разрѣшить со-

вѣтъ чести, которому во всякомъ случаѣ нужно донести о возникшемъ недоразумѣніи.

Самый трудный вопросъ есть вопросъ о недоразумѣніи съ лицами, не могущими дать удовлетворенія; но такихъ лицъ избѣгать легче всего,—нужно лишь соблюдать необходимую осторожность при сношеніяхъ въ общественныхъ мѣстахъ.

Если ты удаляешься отъ такого общества, которое недостаточно разборчиво въ выборѣ своихъ членовъ, если ты избѣгаешь тѣхъ ресторановъ и тѣхъ мѣстъ, тонъ и нравы которыхъ опасны для твоей чести, и самъ никогда не даешь повода къ непріятнымъ столкновеніямъ, то ты избѣгнешь общенія съ людьми, которые могли бы повредить твоей чести, не имѣя возможности или не желая дать тебѣ удовлетворенія. Большинство оскорбленій со стороны людей, неспособныхъ дать удовлетвореніе, нужно приписать неправильнымъ дѣйствіямъ самихъ офицеровъ, которые, вмѣсто того, чтобы избѣгать такихъ лицъ, сами вызываютъ ихъ на оскорбленіе. Если тебѣ встрѣтится бѣшеный быкъ, то ты, разумѣется, не дашь ему поднять себя на рога, а благоразумно удалишься съ его дороги; слѣдовательно, вмѣсто того чтобы вступать въ распрю съ людьми изъ рабочаго или мѣщанскаго сословія на улицѣ, въ пивной и т. п., изъ-за того, что они непочтительно отнеслись къ тебѣ, ты лучше закрой

глаза и уши и уйди поскорѣе прочь; подумай о томъ, что такія столкновенія никогда не кончаются для тебя благопріятно, что грубость сильнѣе мягкости, и хотя старая поговорка «на упрямаго—дубина» иногда оказывается, вѣрной, но въ данномъ случаѣ она непримѣнима.

Помни, что своимъ высокомеріемъ плохими шутками и всѣмъ тѣмъ, что можетъ раздражить звѣря въ человѣкѣ, ты вредишь не только себѣ самому, но и репутаціи всего сословія, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Но благодаря умѣренности въ поступкахъ, ты не только остережешь себя отъ оскорбленій, но и самъ сдѣлаешься зачинщикомъ ссоры. Ты долженъ признать своимъ священнымъ долгомъ распространять въ народѣ добрую славу арміи и офицерскаго званія и укрѣплять довѣріе къ нимъ народа; разъ ты будешь дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, то найдешь въ себѣ достаточно такта, чтобы избѣгнуть подобныхъ столкновеній.

Но несмотря на всѣ предосторожности, ты все-таки можешь быть осыпанъ бранью или оскорбленъ какимъ-либо простолюдиномъ; въ большинствѣ случаевъ нужно оставлять подобныя оскорбленія безъ отвѣта, такъ какъ обыкновенно они бываютъ неумышленны и проистекаютъ просто изъ недостатка воспитанія или чувства приличія, изъ привычной грубости или неловкости въ выраженіяхъ. Если же подобное

оскорбленіе чести—что можетъ случиться, при возрастающемъ огрубеніи народа, даже среди юношества,—будетъ умышленно, то слѣдуетъ искать его наказанія судебнымъ порядкомъ, такъ какъ человѣкъ, котораго нельзя признать способнымъ дать удовлетвореніе, ни въ какомъ случаѣ не можетъ нанести офицеру нравственнаго ущербъ или оскорбить его честь, хотя бы дѣло дошло даже до насилія. Такое нападеніе на честь требуетъ наказанія на мѣстѣ, и офицеръ долженъ, не колеблясь, прибѣгнуть къ оружію, дѣйствуя имъ серьезно и внушительно,—такъ какъ играть съ нимъ въ данномъ случаѣ было бы все равно, что махнуть рукой на свою честь.

Не думай, что мною исчерпанъ весь вопросъ относительно постановленій о судахъ чести. Мое письмо не имѣетъ притязанія на полноту, но пусть оно побудитъ тебя къ дальнѣйшему серьезному изученію и усвоенію вопросовъ чести въ томъ духѣ, который изстари составлялъ славу арміи.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Поединокъ.

(На основаніи постановленія о судахъ чести отъ 2-го мая 1874 г. и дополнительныхъ постановленій отъ 1-го января 1897 г.)

Введеніе.—Значеніе поединка.—Причина возникновенія дѣлъ чести и средства ихъ предупрежденія.—Необходимость дуэли.—Дѣятельность совѣта чести.—Секундантъ.—Посредникъ (der Unparthirische).—Картель.—Выборъ оружія.—Дистанція.—Обмѣнъ выстрѣлами.—Родъ поединка.—Поединокъ по командѣ.—Поединокъ отъ барьера съ приближеніемъ.—Американская дуэль.—Поединокъ на шпагахъ.—Мѣсто поединка.—Донесеніе командиру.—Слѣдствіе дуэли.—Заключеніе.

Мой милый сынъ!

Не думай, что я забылъ свое обѣщаніе побесѣдовать съ тобою о поединкѣ. Вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы не поговорить о немъ поподробнѣе.

На страницахъ введенія къ постановленіямъ о судахъ чести,—которое, какъ и вездѣ, должно служить намъ путеводною нитью и въ этомъ вопросѣ,—говорится, послѣ упоминанія объ уничтоженіи постановленія 1843 г., слѣдующее:

«Офицеръ, вступившій съ другимъ офицеромъ въ частное столкновѣніе, затрогивающее ихъ честь, обязанъ немедленно довести объ этомъ до свѣдѣнія совѣта чести не позже времени передачи или полученія вызова лично или черезъ посредство товарища. Совѣтъ чести долженъ немедленно и по возможности еще до совершенія дуэли, донести о томъ командиру и сдѣлать попытку къ примиренію, если это дозволяютъ требованія сословной чести; если же примиреніе не удалось, то способствовать тому, чтобы условія дуэли соответствовали важности случая.

Если дѣло дойдетъ до дуэли, то предсѣдатель или одинъ изъ членовъ совѣта чести долженъ отправиться на мѣсто поединка въ качествѣ свидѣтеля и озаботиться о томъ, чтобы при совершеніи дуэли были соблюдены требованія сословной чести и нравственности».

Это распоряженіе о дуэляхъ, служившее единственнымъ правиломъ до введенія въ силу дополнительнаго постановленія отъ 1 января 1897 г., получило значительное измѣненіе и поясненіе благодаря волѣ Его Величества, высказавшаго желаніе, чтобы офицеры какъ можно болѣе избѣгали поединковъ. Хотя постановленія о судахъ чести отъ 2 мая 1874 г. и не отмѣнены, но само собою разумѣется, что тѣ постановленія, которыя не совпадаютъ съ позднѣй-

шими распоряженіями, должны считаться потерявшими силу.

Какъ уже было упомянуто въ моемъ письмѣ о судахъ чести, офицеръ ни въ какомъ случаѣ не можетъ вызвать кого-нибудь на поединокъ, не сдѣлавъ о томъ донесенія совѣту чести или не дождавшись утвержденія приговора совѣта, а также помимо состоявшагося приговора о соглашеніи или объ отсутствіи оскорбленія, или наконецъ до Высочайшей резолюціи на приговоръ суда.

Сравнивая оба приведенныя мною постановленія, мы видимъ, что въ силу этихъ постановлений офицеръ не имѣетъ права самостоятельно, по своему усмотрѣнію, вызвать кого-либо на дуэль, но во всякомъ случаѣ обязанъ немедленно донести о своемъ недоразумѣніи совѣту чести. Но въ то время, какъ при столкновеніи съ офицеромъ, онъ не можетъ сдѣлать никакого дальнѣйшаго шага до приговора совѣта чести и до утвержденія его командиромъ, причемъ долженъ считать этотъ приговоръ обязательнымъ, хотя и имѣетъ право обжаловать его въ трехдневный срокъ,—при столкновеніяхъ съ офицерами, не подлежащими суду чести, или съ гражданскими лицами, ему представляется право свободно поступать дальше по своему усмотрѣнію въ томъ случаѣ, если совѣту чести, производящему обсужденіе подъ руководствомъ командира, не удастся привести дѣло къ соглашенію.

Дополнительное постановленіе не касается дальнѣйшихъ указаній, заключающихся въ веденіи къ постановленіямъ о судахъ чести, и слѣдовательно здѣсь остается въ силѣ правило, чтобы совѣтъ чести дѣлалъ попытку къ примиренію, разъ это позволяетъ воинская честь; въ случаѣ же, если дѣло дойдетъ до дуэли, то на мѣсто поединка долженъ явиться предсѣдатель или одинъ изъ членовъ совѣта чести для наблюденія за исполненіемъ требованій чести при совершеніи дуэли.

Такимъ образомъ ты видишь, что дополнительнымъ постановленіемъ дуэль отнюдь не воспрещается, но ограничивается при содѣйствіи совѣта чести тѣми случаями, когда сословная честь болѣе не допускаетъ соглашенія.

Считаю нужнымъ еще разъ обратить твое вниманіе на то, что въ столкновеніяхъ, разрѣшаемыхъ дуэлью, дѣло идетъ не о потери чести по собственной винѣ, но лишь о временномъ ея омраченіи, не затрагивающемъ ея сущности. Въ томъ же случаѣ, если ты дѣйствительно лишился чести, совершивъ поступокъ, который дѣлаетъ тебя недостойнымъ вращаться въ обществѣ честныхъ людей, ты подлежишь суду своихъ товарищей и тебѣ остается лишь подчиниться ихъ приговору. Слѣдовательно дуэль есть ничто иное, какъ борьба за чистоту твоей чести.

Такое значеніе поединка между офицерами на-

лагаеть на него серьезный отпечатокъ; каждый офицеръ долженъ помнить, что малѣйшее пятно на его чести бросаетъ тѣнь и на честь всего офицерскаго корпуса, такъ что дуэль, возстановляя его собственную честь, поддерживаетъ также и честь всего сословія, причемъ безразлично, будетъ ли его противникъ офицеръ или лицо не военного званія: члены другихъ сословій одинаково должны знать, насколько важно затронуть честь офицера, которая для него дороже жизни. Но повторяю снова, дуэль должна составлять лишь крайній исходъ, какъ это ясно вытекаетъ и изъ дополнительнаго постановленія. Пока только есть возможность, нужно протягивать руку примиренія и предавать ссору полному забвенію. По этому поводу представляется желательнымъ поподробнѣе разсмотрѣть причины возникновенія дѣлъ чести, раздѣливъ ихъ на разряды по содержанію, формѣ и степени.

Всякое дѣло чести предполагаетъ оскорбленіе въ большей или меньшей степени; послѣднее же въ большинствѣ случаевъ происходитъ отъ несоблюденія вѣжливости въ словахъ или дѣйствіяхъ, грубомъ, жестокомъ сужденіи, или же запальчивости въ разговорѣ.

Эта обида большею частью вытекаетъ неумышленно изъ недостаточнаго соблюденія формъ приличія, изъ небрежности вслѣдствіе склонности къ покою, невниманія или равнодушія, но во

всякомъ случаѣ производитъ на обиженного впечатлѣніе неуваженія или презрѣнія.

Далѣе слѣдуютъ оскорбленія, проистекающія часто изъ совершенно невинныхъ шутокъ, столь частыхъ между офицерами. Непонятая или подъ вліяніемъ дурного расположенія духа ложно понятая шутка, часто даже неспособность понять шутку или опасеніе показаться глупымъ, не сѣмѣвъ отвѣтить на нее, что почти всегда основано на извѣстной долѣ самолюбія и тщеславія или же обнаруживаетъ недостатокъ живости ума,—все это часто кончается обмѣномъ словъ, весьма легко переходящимъ границы благороднаго приличія и обращается если не въ брань, то въ обвиненія, въ которыхъ противнику приписываются качества, обличающія недостатокъ такта или порядочности.

Нерѣдко подобныя оскорбленія происходятъ оттого, что одинъ чувствуетъ умственное превосходство другого и старается за что-нибудь придраться къ нему, что вызываетъ со стороны перваго иронію или колкую насмѣшку.

Подобную же опасность представляютъ и споры о религіи, политикѣ и т. п., когда противники рѣзко высказываютъ свое различіе въ мнѣніяхъ и теряютъ при этомъ самообладаніе.

Несомнѣнно, что чѣмъ больше растетъ возбужденіе, тѣмъ сильнѣе наносимыя оскорбленія, въ особенности когда возбужденіе усиливается бла-

годаря выпивкѣ, азартной игрѣ и другимъ увлеченіямъ и страстямъ; человѣку подѣ влияніемъ ихъ наносятся тяжелыя нравственныя оскорбленія, затрогивающія все его существованіе, обвиняющія его даже въ такихъ преступленіяхъ, которыя подлежатъ уголовному суду, или же ссора переходитъ въ оскорбленіе дѣйствіемъ.

Такимъ образомъ оскорбленія всегда обличаютъ недостатокъ самообладанія и самовоспитанія, и когда они случаются между офицерами, то заключаютъ въ себѣ оскорбленіе товарищества и вмѣстѣ съ тѣмъ сословной чести.

Чѣмъ осторожнѣе офицеръ въ обращеніи, чѣмъ строже онъ въ выборѣ знакомства, чѣмъ больше избѣгаетъ такихъ ресторановъ, гдѣ не господствуютъ добрыя нравы и порядочность, тѣмъ меньше онъ подвергается опасности получить оскорбленіе.

При возникновеніи ссоръ, товарищество имѣетъ необыкновенно важное значеніе. Какъ часто споръ прекращается въ самомъ началѣ, если, вмѣсто того, чтобы поощрять своимъ одобреніемъ остроты и насмѣшки одного изъ спорящихъ и такимъ образомъ подливать масла въ огонь, который безъ ихъ одобрительнаго смѣха угасъ бы самъ собою, товарищи успокаиваютъ противниковъ ласковымъ, кстати сказаннымъ, примирительнымъ словомъ или строгимъ увѣщаніемъ. Поэтому всякое столкновеніе между товарищами,

становясь извѣстнымъ, омрачаетъ духъ товарищества и показываетъ въ невыгодномъ свѣтѣ тотъ офицерскій корпусъ, въ которомъ чаще другихъ повторяются подобные случаи.

Чѣмъ тоньше чувство чести, чѣмъ выше сознание своего достоинства, тѣмъ чувствительнѣе бываетъ оскорбленіе. Въ особенности глубоко чувствуется оно не тогда, когда затрогивается собственная или сословная честь, а скорѣе тогда, когда затронута честь дорогихъ намъ лицъ, какъ напр., родственниковъ, друзей и близкихъ знакомыхъ, причемъ оскорбленіе принимаетъ большіе или меньшіе размѣры, смотря по степени нашей близости къ лицу, честь котораго была затронута.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ случаѣ:—о случаѣ оскорбленія Величества, когда оно произошло въ присутствіи офицеровъ. Если немыслимо предположить, чтобы оскорбленіе Величества могло когда либо дойти до ступеней трона, то во всякомъ случаѣ оно глубоко затрогиваетъ честь офицера, обязавшагося клятвою вѣрности служить своему высшему военачальнику и обожаемому монарху до послѣдняго издыханія; и обнаруженное этимъ оскорбленіемъ пренебреженіе къ офицерскому званію безусловно требуетъ удовлетворенія, а такъ какъ вслѣдствіе важности случая соглашеніе дѣлается немысли-

мымъ, то является необходимость немедленно довести объ этомъ до свѣдѣнія совѣта чести.

Послѣ того, какъ я показалъ тебѣ, по какимъ иногда ничтожнымъ причинамъ возникаютъ дѣла чести, каковы бываютъ различныя степени оскорбленій и какъ избѣгать ихъ, или, соотвѣтственно монаршему указанію, устранять ихъ просьбой объ извиненіи и прощеніемъ обиды съ своей стороны,—тебѣ, быть можетъ, представится вопросъ:

«При какихъ обстоятельствахъ дозвоительно обращаться съ просьбой объ извиненіи и прощать нанесенную обиду, и когда нужно избрать другой путь для возстановленія своей чести?»

На это нельзя дать опредѣленныхъ правилъ и трудно провести здѣсь какую либо границу.

Въ большинствѣ случаевъ, рѣшать здѣсь должно субъективное чувство, но основой должны все-таки служить начальныя слова дополнительнаго постановленія. Если ты считаешь несправедливымъ затрогивать честь другого, какъ вѣроятно думаетъ и всякій офицеръ, то для тебя, естественно, должно быть потребностью, какъ можно скорѣе исправить эту несправедливость. Примиреніе же становится все труднѣе по мѣрѣ того, какъ оно откладывается съ минуты на минуту. Не трудно удалить пятно въ ружейномъ стволѣ, если своевременно заняться этимъ, но при небрежности, оно скоро обращается въ труд-

но выводимую ржавчину. Да и не выше ли стоит просьба объ извиненіи, если она приносится по собственному побужденію, а не вынуждена силою внѣшнихъ обстоятельствъ? Не легче ли протянуть руку для примиренія въ ту минуту, какъ явилось сознаніе вины, чѣмъ нѣсколько дней спустя? Съ другой стороны не лучше ли простить тогда, когда обида еще не успѣла пустить глубокіе корни въ сердцѣ обиженнаго? Не естественно ли, что чѣмъ дольше послѣдній находится подъ давленіемъ обиды, тѣмъ сильнѣе онъ ожесточается и тѣмъ менѣе склоненъ принять протянутую для примиренія руку? Итакъ, зачѣмъ изъ ложной гордости или ложнаго стыда ты затрудняешь себѣ и другимъ примиреніе, а можетъ быть даже дѣлаешь его невозможнымъ? Всякая обида можетъ быть неумышленна, можетъ возникнуть изъ поспѣшности, необдуманности или возбужденія, такъ какъ тотъ, кто самъ нуждается въ уваженіи, кто цѣнитъ честь своихъ ближнихъ выше, чѣмъ свою собственную, не можетъ умышленно оскорбить честь другого. Не рѣшаясь же примириться или искупить обиду просьбой объ извиненіи, не прибѣгая къ содѣйствію совѣта чести, ты доказываешь этимъ, что далекъ отъ истинной чести.

Не забывай никогда, что по волѣ Его Величества императора, опредѣленно выраженной въ дополнительномъ постановленіи, дуэль должна

избѣгаться теперь больше, чѣмъ когда либо,—
воля же Государя должна быть для офицера
постояннымъ мѣриломъ и путеводною нитью
всѣхъ его поступковъ.

Дуэль остается необходимостью въ томъ случаѣ, когда оскорбленному закрыты всѣ другіе пути для возстановленія чести; но она навлекаетъ тяжелую отвѣтственность на того, кто дѣлаетъ вызовъ, равно какъ и на того, кто самъ вынуждаетъ оскорбленнаго къ вызову.

Вспомни, что Богъ одинъ властвуетъ надъ жизнью и смертью, что офицеръ священной клятвой вѣрности посвятилъ свою жизнь королю и отечеству—и ты ясно поймешь всю тяжесть отвѣтственности, которую беретъ на себя тотъ, кто вынуждаетъ кого-нибудь къ поединку. На твою жизнь имѣютъ также право и твои родители, которые съ любовью заботились о тебѣ и, быть можетъ, даже не разъ вырывали тебя изъ рукъ смерти во время твоей болѣзни. Если ты легкомысленно идешь на смерть, то горе твоихъ братьевъ и сестеръ или жены и дѣтей должно ложиться тяжелымъ укоромъ на твою совѣсть. Могутъ ли они сохранить по тебѣ добрую память, если ты въ преступномъ легкомысліи поставилъ на карту свою жизнь?

Какъ легко можетъ случиться, что предполагая найти доблестную смерть, ты умрешь съ позоромъ!

Но если истинная честь, а не тщеславіе и гордость, требуетъ отъ тебя, чтобы ты пожертвовалъ своею жизнью, такъ какъ для тебя закрыты всѣ другіе соотвѣтствующіе твоему званію пути для ея возстановленія, то ты не долженъ медлить вызовомъ; ты обязанъ лишь сперва чистосердечно заявить объ этомъ совѣту чести. Вступая на тяжкій путь поединка съ твердымъ сознаніемъ того, что ты повинешься велѣніямъ истинной чести, ты долженъ быть увѣренъ, что твои родители и братья съ сестрами, твоя жена и дѣти, какъ они ни будутъ глубоко и болѣзненно поражены твоею смертію, тѣмъ не менѣе станутъ вспоминать о тебѣ съ теплой любовью и будутъ съ гордостью носить чистое, незапятнанное имя, которое ты имъ оставишь въ наслѣдство.

При каждомъ дѣлѣ чести ты обязанъ, въ полномъ уединеніи, тщательно и глубоко обдумать, чего требуетъ отъ тебя честь, предварительно заставивъ замолчать голосъ оскорбленнаго самолюбія, подавивъ всякую злобу, ненависть и другія низменныя побужденія своей души.

Посмотримъ теперь, что нужно дѣлать въ томъ случаѣ, если ты по зрѣломъ размышленіи, твердо убѣдился, что никакого соглашенія быть не можетъ, и что ты долженъ итти дальше.

До появленія дополнительнаго постановленія отъ 1-го января 1897 г. каждый офицеръ поль-

зовался свободой рѣшенія и былъ обязанъ сдѣлать донесеніе совѣту чести лишь тогда, когда онъ послалъ вызовъ (но не позже). Первый шагъ, который обыкновенно дѣлалъ оскорбленный, состоялъ въ выборѣ уполномоченнаго, который при обострившемся оборотѣ дѣла, бралъ на себя и роль секунданта.

Задача уполномоченнаго естественно состояла въ томъ, чтобы содѣйствовать примиренію и препятствовать обостренію ссоры, подобно тому, какъ дипломатъ ведетъ переговоры съ другими государями, отстаивая въ спорныхъ вопросахъ интересы своего монарха. Насколько послѣдній долженъ искусными переговорами устранять для своей страны опасность войны, настолько уполномоченный долженъ приложить всѣ старанія, чтобы воспрепятствовать дуэли и устранить всѣ обстоятельства, бесполезно обостряющія дѣло. Безъ сомнѣнія, искусный посредникъ во многихъ случаяхъ умѣлъ примирить враждующихъ, но такъ же несомнѣнно и то, что незначительныя сами по себѣ пререканія искусственно раздувались неловкимъ посредникомъ въ серьезную ссору, которая могла разрѣшиться только съ помощью оружія.

Уполномоченный долженъ дѣйствовать спокойно, разсудительно, умно и тактично, даже съ тонкостью дипломата, говорить обдуманно, взвѣсивая каждое слово; передъ его глазами должна

всегда стоять тяжелая отвѣтственность его роли; онъ долженъ отличаться знаніемъ людей и проницательностью, умѣть съ перваго взгляда отличать истину отъ обманчивой внѣшности и не примыкать къ той или другой сторонѣ, а сохранять строгое безпристрастіе до конца переговоровъ, не забывая ни на минуту, что каждое необдуманное слово лишь раздуваетъ пламя раздора и вмѣсто того, чтобы проложить путь мирному разрѣшенію ссоры, вносить еще болѣе разлада между противниками, превращая такимъ образомъ небольшой разрывъ въ неизлѣчимую рану.

Поэтому каждый офицеръ долженъ съ радостью принять указанія, содержащіяся въ дополнительномъ постановленіи: на основаніи этихъ указаній, въ дѣлахъ чести безусловно требуется вмѣшательство совѣта чести и запрещается дѣлать всякій дальнѣйшій шагъ, не увѣдомивъ совѣтъ о возникшемъ столкновеніи.

Благодаря этому оскорбленный офицеръ разнавсегда избавленъ отъ тяжелого труда въ выборѣ уполномоченнаго; онъ можетъ сообщить обстоятельства дѣла члену совѣта чести, который пользуется безусловнымъ довѣріемъ всего офицерскаго корпуса, благодаря своему безпристрастію и честности; онъ видитъ, такимъ образомъ, свое дѣло не въ рукахъ какого-нибудь одного человѣка, которому иногда недостаетъ

необходимаго авторитета, но на обсужденіи совѣта изъ трехъ лицъ, слово которыхъ имѣеть большой вѣсъ среди всего офицерскаго корпуса; благодаря этому молодой офицеръ, который при свободѣ выбора склоненъ скорѣе обратиться къ посредничеству своихъ сверстниковъ, находитъ въ совѣтѣ чести собраніе людей зрѣлыхъ и богатыхъ опытомъ, а слѣдовательно и болѣе способныхъ привести дѣло къ соглашенію.

Когда же совѣту чести сдѣлано донесеніе о происшедшемъ столкновеніи, то о послѣднемъ доводится и до свѣдѣнія командира, такъ какъ совѣтъ не имѣеть права дѣйствовать самостоятельно, но долженъ «подъ руководствомъ командира немедленно произвести дознаніе посредствомъ устныхъ или письменныхъ справокъ и опросовъ и затѣмъ представить о томъ письменное заключеніе на утвержденіе командира».

Если соглашеніе при посредствѣ совѣта чести оказалось несовмѣстимымъ съ требованіями словной чести и были соблюдены всѣ правила, изложенныя въ дополнительномъ постановленіи, или же при столкновеніи съ лицомъ гражданскимъ, послѣ неудавшейся попытки къ примиренію при посредствѣ совѣта чести, послѣдовалъ вызовъ на дуэль, то согласно постановленіямъ, ты обязанъ довести это до свѣдѣнія совѣта чести не позже времени отправленія или полученія вызова.

Ты, быть можетъ, спросишь меня, почему здѣсь употреблено выраженіе: *не позже времени отправления или полученія вызова*. Отвѣтъ ты найдешь въ дальнѣйшихъ словахъ введенія къ постановленію о судахъ чести:

«Совѣтъ чести долженъ немедленно и по возможности до совершенія дуэли донести о томъ командиру и сдѣлать попытку къ примиренію, если это дозволяютъ требованія сословной чести; въ случаѣ же если попытка оказалась неудачной, способствовать тому, чтобы условія дуэли соотвѣтствовали важности случая.»

Это постановленіе важно потому, что помимо указанія на дуэль, какъ на крайній исходъ, который желательно во что бы то ни стало избѣгнуть, оно ставитъ на видъ важное, полное отвѣтственности положеніе совѣта чести, обязаннаго всѣми силами содѣйствовать примиренію. Но примирительныя попытки могутъ имѣть мѣсто лишь до наступленія дуэли, вслѣдствіе чего и указывается, какъ на послѣдній срокъ донесенія о дуэли время отправления или полученія вызова, если эта попытка не должна носить характеръ пустой формальности. Въ самомъ дѣлѣ, можешь ли ты предположить, чтобы попытка къ примиренію была еще возможна на мѣстѣ поединка? Я, съ своей стороны, не предвижу отъ нея никакого успѣха, такъ какъ не могу представить себѣ, чтобы упорствовавшій до тѣхъ

поръ противникъ, при видѣ оружія и грозящей ему опасности, внезапно согласился протянуть руку противнику или въ свою очередь принять протянутую для примиренія руку; если бы онъ даже и образумился въ послѣднюю минуту, то его готовность примириться—какъ это ни безразсудно само по себѣ—будетъ парализована опасеніемъ показаться смѣшнымъ и навлечь на себя упрекъ въ трусости. Но собственно говоря, ни одному офицеру не должна притти въ голову мысль, что кто-либо изъ товарищей могъ быть способенъ на такой образъ дѣйствій, несовмѣстимый съ долгомъ и честью, хотя, съ другой стороны, и раскаиваться никогда не поздно.

Какимъ образомъ предпринять и осуществить попытку къ примиренію—въ означенныхъ постановленіяхъ не говорится ничего: это предоставляется на усмотрѣніе совѣта чести и зависитъ отъ степени важности даннаго случая; но всегда возможно разрѣшеніе ссоры помимо дуэли въ тѣхъ случаяхъ, когда оскорбленіе было неумышленное, необдуманное, или—какъ напр., въ опьяненіи—несознательное, и когда подлежащій суду чести офицеръ или гражданское лицо приметъ къ сердцу увѣщаніе совѣта чести и не станетъ противиться попыткѣ къ примиренію.

Если попытка не сдѣлана или не удалась, то совѣту чести остается принять мѣры къ тому, чтобы условія дуэли соответствовали важности случая.

Несоотвѣтствіе въ этомъ случаѣ можетъ заключаться прежде всего въ выборѣ оружія, а затѣмъ въ подробностяхъ условій дуэли.

Оружіе опредѣляется для офицера родомъ его службы: самое употребительное есть шпага или сабля и пистолеты той или другой системы.

Условія ставятся болѣе или менѣе тяжелыя, смотря по тому, большей или меньшей опасности подвергаютъ они жизнь противниковъ, устанавливають ли однократный или многократный обмѣнъ выстрѣловъ, опредѣляютъ ли дальнѣйшее или ближайшее разстояніе между противниками,—или наконецъ предписываютъ продолженіе поединка до окончательной боевой неспособности одного изъ противниковъ.

Также и въ этомъ отношеніи совѣту чести не дается указаній, причемъ налагаемыя имъ условія отнюдь не равносильны приказанію, а представляютъ лишь простые совѣты; но ясно, что напр., холодное оружіе подвергаетъ жизнь меньшей опасности, чѣмъ огнестрѣльное, или что требованіе многократнаго обмѣна выстрѣловъ есть менѣе тяжелое условіе, чѣмъ продолженіе поединка до окончательной боевой неспособности противника. Слѣдовательно, пистолеты могутъ употребляться лишь тогда, когда оскорбленіе должно быть причислено къ разряду болѣе тяжелыхъ; шпага же или сабля—въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ оскорбленіи, возникшемъ

между офицерами изъ за простого недоразумѣнія, но въ послѣдствіи обострившагося.

Но какого бы рода ни было оскорбленіе, со вѣтъ чести отнюдь не имѣетъ права разрѣшать дуэли «на жизнь и на смерть» или «черезъ платокъ»; самымъ тяжелымъ требованіемъ должно считаться продолженіе поединка до окончательной боевой неспособности противника, которое весьма часто равносильно дуэли на жизнь и на смерть. Но никогда поединокъ не долженъ сводиться къ простой формальности, и поэтому условія, какъ бы они ни были легки въ случаяхъ легкихъ оскорбленій, должны носить серьезный характеръ, безусловно требуемый не только сущностью самой дуэли, но и сословной честью.

Третья и послѣдняя обязанность совѣта чести, указанная въ постановленіи, заключается въ словахъ неоднократно упомянутого мною введенія:

«Если дѣло дойдетъ до дуэли, то предсѣдатель или одинъ изъ членовъ совѣта чести долженъ отправиться на мѣсто поединка въ качествѣ свидѣтеля и озаботиться о томъ, чтобы при совершеніи дуэли были соблюдены требованія сословной чести».

Хотя соблюденіе требованій сословной чести сводится лишь къ исполненію извѣстныхъ формальностей, тѣмъ не менѣе обычай требуетъ ихъ строгаго исполненія, что и составляетъ послѣднюю задачу совѣта чести.

Какого рода эти формальности, я скажу въ другомъ мѣстѣ.

Послѣ донесенія совѣту чести и выбора секунданта, послѣднему лишь остается взять на себя передачу вызова съ обозначеніемъ оружія и условій дуэли.

Всякая бесполезная затяжка въ дѣлѣ чести наноситъ ущербъ сословной чести; поэтому первый шагъ къ его разрѣшенію долженъ быть сдѣланъ въ теченіе 24 часовъ и переговоры должны вестись безъ перерыва.

Но и тогда, когда дѣло дойдетъ до дуэли, требуется быстрота и строгое соблюденіе тайны со стороны всѣхъ участниковъ; быстрота потому, что запятнанная честь требуетъ немедленнаго очищенія, а соблюденіе тайны—для избѣжанія газетныхъ сплетенъ и вмѣшательства полиціи. Кто случайно или по небрежности,—умышленно здѣсь предположить нельзя,—выдастъ эту тайну постороннимъ лицамъ, тотъ совершитъ тяжкій проступокъ противъ сословной чести, вмѣняющей въ обязанность строгое соблюденіе тайны.

Когда вызовъ сдѣланъ и принятъ, то вызванный выбираетъ себѣ секунданта и послѣдній ведетъ переговоры съ лицомъ, передававшимъ вызовъ, которое обыкновенно и служитъ секундантомъ вызывающаго.

Кромѣ секундантовъ, назначается еще посред-

никъ (der Unpartheiische)—лицо, не заинтересованное ни съ той, ни съ другой стороны и избираемое самими секундантами по соглашенію со своими довѣрителями; посредникъ всецѣло отвѣчаетъ за ходъ дуэли и за точное выполненіе ея условій, такъ что на его долю выпадаетъ задача, предполагающая, кромѣ основательнаго знанія всѣхъ соотвѣствующихъ обычаевъ и формальностей, незаурядную твердость характера, спокойную разсудительность и опытность, придающія ему авторитетъ въ глазахъ всего общества,—слѣдовательно, эта роль должна быть поручена такой личности, которая не можетъ быть найдена въ средѣ молодыхъ офицеровъ. Чѣмъ выше репутація и авторитетъ посредника, тѣмъ больше обезпечивается спокойный, правильный ходъ дуэли и тѣмъ менѣе приходится совѣту чести наблюдать за выполненіемъ требованій сословной чести.

Такъ напр., обычаемъ требуется, чтобы такъ называемый картель, т. е. условія поединка, послѣ обсужденія его секундантами, былъ изложенъ письменно, сообщая съ посредникомъ и при содѣйствіи совѣта чести.

Этотъ картель опредѣляетъ:

- а) мѣсто поединка.
- б) время его.
- в) выборъ оружія, и наконецъ
- д) всѣ дальнѣйшія особенныя условія;

кромѣ того — приобрѣтеніе оружія, приглашеніе врача и всякія другія приготовленія не меньшей важности, чѣмъ сама дуэль. Если не все было тщательно обдумано заранѣе, если не была устранена всякая возможность препятствія и помѣхи, то стало быть посредникъ не исполнилъ своей обязанности или не соотвѣтствуетъ своему нелегкому отвѣтственному положенію.

Изъ всѣхъ приготовленій къ дуэли самое трудное составляетъ приобрѣтеніе оружія, иногда отнимающее не мало времени, вслѣдствіе чего посреднику предоставляется пользоваться въ этомъ случаѣ содѣйствіемъ секундантовъ, разумѣется подѣ условіемъ его полной отвѣтственности.

Принято за правило, чтобы противники не были раньше знакомы съ тѣмъ оружіемъ, которое будетъ служить имъ во время дуэли: изъ употребленія совершенно исключаются тѣ пистолеты, изъ которыхъ стрѣлялъ кто-нибудь изъ нихъ, такъ какъ ясно, что тотъ, кто уже раньше имѣлъ его въ рукахъ, получаетъ столь значительное преимущество передъ своимъ противникомъ, что о равенствѣ оружія уже не можетъ быть и рѣчи.

Если пистолеты, предназначенные для дуэли, не совершенно новы, то посредникъ долженъ своевременно заручиться честнымъ словомъ противниковъ, что это оружіе соотвѣтствуетъ всѣмъ

условіямъ, которыя требуются въ данномъ случаѣ закономъ. Поднимать этотъ вопросъ лишь на мѣстѣ поединка значило бы легкомысленно вызывать опасность, указанную мною раньше, поэтому всякое сомнѣніе должно быть разрѣшено настолько раньше, чтобы посредникъ успѣлъ достать другіе пистолеты по соглашенію съ секундантами и самими противниками. Въ томъ случаѣ, если выбранное для дуэли оружіе было уже раньше знакомо обоимъ противникамъ, хотя они никогда и не стрѣляли изъ него, дѣло посредника устроить такъ, чтобы на сторонѣ каждаго были одинаковыя преимущества или одинаковыя невыгоды.

На дальнѣйшей обязанности посредника лежитъ проба выбраннаго оружія, такъ какъ употребленіе на дуэли оружія, имѣющаго какіе-либо недостатки, можетъ привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ и навлечь на посредника тяжелыя нареканія. Въ особенности его могутъ обвинить въ непростительномъ легкомысліи въ томъ случаѣ, если благодаря обнаруженной непригодности оружія, дуэль должна была прекратиться. Необходимость заблаговременно произвести пробу оружія явствуется также и изъ обязанности посредника соизмѣрять количество пороха въ зарядѣ съ болѣе или менѣе тяжелыми условіями дуэли. Выборъ совершенно одинаковаго оружія важенъ и въ силу того, что дѣйствіе его весьма

различно, смотря по тому, какой оно системы и калибра.

Мы различаемъ пистолеты наръзные и гладкіе, съ прицѣломъ и безъ прицѣла. Всякому знакому съ оружіемъ человѣку ясно, что гладкіе пистолеты безъ прицѣла врядъ ли могутъ назваться смертоноснымъ оружіемъ, если только не подвернется слѣпой случай, который, какъ говорится, показываетъ дорогу пулѣ; столь же ясно и то, что гладкій пистолетъ съ прицѣломъ подвергаетъ жизнь опасности въ гораздо большей степени и что эта опасность увеличивается по мѣрѣ уменьшенія дистанціи; слѣдовательно, ихъ употребленіе дозвоительно лишь въ случаяхъ самыхъ тяжелыхъ оскорбленій.

Здѣсь я буду говорить лишь о дуэли на пистолетахъ, оставляя въ сторонѣ всякое другое оружіе. Разсмотримъ дальнѣйшія приготовленія къ дуэли.

Послѣ назначенія мѣста, времени и оружія, опредѣляются дальнѣйшія условія дуэли:

- а) дистанція
- б) обмѣнъ выстрѣловъ
- с) способъ боя.

Дистанція, т. е. разстояніе между противниками зависитъ, какъ и выборъ оружія, отъ степени оскорбленія, вызвавшаго дуэль, такъ какъ само собою понятно, что бѣльшая близость выстрѣ-

ла увеличивает опасность. Такъ напр., установленная на 10 шаговъ дистанція при гладкомъ пистолетѣ является сравнительно легкимъ условіемъ, между тѣмъ какъ эта же дистанція при наръзномъ представляетъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ требованій, и потому вообще вошло въ правило при дуэли на наръзныхъ пистолетахъ опредѣлять дистанцію не менѣе, какъ на 15 шаговъ, при гладкихъ же не менѣе, какъ на десять.

Обмѣнъ выстрѣловъ, т. е. количество выстрѣловъ, произведенныхъ каждымъ противникомъ въ теченіе дуэли,—если только одинъ изъ противниковъ не оказался уже раньше неспособнымъ къ продолженію поединка,—опять таки зависитъ отъ степени оскорбленія, причемъ принимается также во вниманіе и большая или меньшая мѣткость выстрѣловъ, въ зависимости отъ конструкціи оружія.

Вмѣсто заранее условленнаго количества выстрѣловъ, въ особенно важныхъ случаяхъ можетъ быть поставлено требованіе продолжать поединокъ «до боевой неспособности»; требованія же драться «на жизнь и на смерть» или «черезъ платокъ», какъ было сказано выше, не должно допускаться въ дуэли между офицерами.

Способъ боя. Мнѣ извѣстны лишь два способа боя на дуэляхъ, которые, разумѣется, могутъ видоизмѣняться, смотря по условіямъ вызова:

а) дуэль по командѣ.

б) дуэль отъ барьера съ приближеніемъ.

Въ первомъ случаѣ противники стоятъ на мѣстѣ другъ противъ друга съ поднятымъ пистолетомъ, дуло котораго обращено назадъ черезъ плечо, или съ пистолетомъ въ опущенной правой рукѣ, дуломъ книзу.

Ставъ въ позицію, они дожидаются команды со стороны посредника; тотъ начинаетъ считать: «разъ»!—пистолеты поднимаются для прицѣла и оба противника готовятся къ выстрѣлу, обязанные спустить курокъ прежде чѣмъ будетъ сосчитано «три»; или же по командѣ «разъ», противники поднимаютъ пистолеты, при счетѣ «два»—цѣлясь идутъ впередъ и стрѣляютъ прежде, чѣмъ раздастся команда «три.» Въ послѣднемъ случаѣ посредникъ отмѣчаетъ воткнутыми въ землю шпагами барьеръ и указываетъ мѣсто обоимъ противникамъ, которое они по условію должны занимать при началѣ дуэли. Если въ условіи значилось 10 шаговъ отъ барьера, то каждый изъ противниковъ удаляется на 10 шаговъ отъ ближайшаго къ нему барьера, который самъ занимаетъ такое же пространство по длинѣ, такъ что стрѣляющіеся въ началѣ дуэли удалены другъ отъ друга на 3×10 шаговъ; если же въ условіяхъ вызова дается болѣе короткая дистанція для приближенія, напр., барьеръ—10 шаговъ и приближеніе—5 шаговъ, то дистанція приближенія т. е. условленное про-

странство между неприступнымъ барьеромъ и первоначальной позиціей стрѣляющихъ, уменьшается на 5 шаговъ съ каждой стороны, и тогда все пространство между противниками равняется при началѣ дуэли лишь 20 шагамъ.

Когда оба противника стали въ позицію, какъ описано выше, посредникъ точно такъ же считаетъ до трехъ. По командѣ «разъ», оба подвигаются впередъ на желаемое разстояніе, но не переступая барьера, и начинаютъ цѣлиться въ любой моментъ, но они должны выстрѣлить прежде, чѣмъ посредникъ произнесетъ «три», чѣмъ и заканчивается наступленіе.

Условія приближенія равнымъ образомъ должны быть выяснены при предварительныхъ переговорахъ. Такъ напр., каждый противникъ можетъ подходить къ барьеру самостоятельно, не вынуждая другого къ равномерному приближенію; или же въ условіи заранее опредѣляется, что положеніе и дѣйствія обоихъ должны быть одинаковы и наконецъ, можетъ требоваться, чтобы тотъ, кто уже выстрѣлилъ, все-таки продолжалъ приближаться къ барьеру, если его противникъ вызываетъ его на это своимъ собственнымъ приближеніемъ, и обратно—последній точно также не можетъ остановиться, если первый въ свою очередь продолжаетъ идти впередъ къ барьеру. Иногда вмѣсто того, чтобы считать, посредникъ командуетъ «стрѣлять», а затѣмъ по

прошествіи заранѣе условленнаго числа минутъ говорить «стой»; въ этотъ промежутокъ времени обѣ стороны должны произвести выстрѣлы, такъ какъ сигналомъ «стой» заканчивается приближеніе.

Хотя оба вышеописанныхъ способа одинаково употребительны, но команда къ барьеру предпочтительнѣе. Въ то время, какъ при послѣдней оба сражающихся могутъ выстрѣлить въ одно и то же время, какъ обыкновенно и бываетъ,—при другомъ способѣ одинъ противникъ всегда опережаетъ другого и послѣ выстрѣла дѣлается его беззащитною мишенью, благодаря чему тотъ поставленъ въ необходимость или застрѣлить безоружнаго или сдѣлать умышленный промахъ. Такая дилемма весьма тягостна, такъ какъ, несомнѣнно, ни для кого не составляетъ чести поднять на дуэли оружіе противъ беззащитнаго—сущность дѣла не измѣняется отъ того, что послѣдній самъ стрѣлялъ передъ этимъ; умышленный же промахъ лишаетъ дуэль всей важности ея значенія.

По тѣмъ же причинамъ я не могу рекомендовать того условія, при которомъ одной изъ сторонъ предоставляется первый выстрѣлъ: слишкомъ трудно рѣшить, кому долженъ принадлежать первый выстрѣлъ, такъ какъ на общераспространенное мнѣніе, что первый выстрѣлъ составляетъ право вызваннаго, слѣдовательно оскор-

бителя,—можно съ тѣмъ же, если не съ большимъ основаніемъ возразить, что этимъ правомъ долженъ одинаково пользоваться и вызывающій на дуэль, какъ оскорбленный. Поэтому, какъ мнѣ кажется, дуэль на пистолетахъ по командѣ должна считаться наиболѣе правильной.

Разрѣшеніе столкновенія посредствомъ такъ называемой американской дуэли, рѣшающей жребіемъ жизнь или смерть противниковъ, противорѣчитъ всѣмъ требованіямъ сословной чести, и поэтому офицеръ нисколько не обязанъ принимать такого вызова; напротивъ того, онъ съ справедливымъ негодованіемъ долженъ отвергнуть всякое подобное предложеніе,

Мнѣ остается лишь упомянуть о дуэли на шпагахъ или на сабляхъ. Соотвѣтственно ей простотѣ, и самыя приготовленія къ ней не столь сложны и важны, какъ въ дуэли на пистолетахъ, такъ что я скажу о ней лишь нѣсколько словъ.

Само собою разумѣется, что здѣсь должно быть такое же серьезное отношеніе къ выбору секундантовъ и посредника, и одинаковая дѣятельность совѣта чести, но выборъ оружія, проба котораго (въ отношеніи длины, остроты и формы) можетъ быть произведена на глазъ, далеко не столь труденъ, какъ въ дуэли на пистолетахъ, и притомъ легче установить самыя условія.

Вмѣсто обмѣна выстрѣловъ, условіемъ опредѣляется продолжительность боя или продолженіе его до боевой неспособности, и кромѣ того обсуждается вопросъ объ употребленіи дозволенныхъ предохранительныхъ мѣръ.

Дистанція опредѣляется такъ называемымъ измѣреніемъ оружія, за которымъ слѣдуетъ приближеніе противниковъ по командѣ посредника «наступать!» (Los!) Соблюдаемая здѣсь правила достаточно извѣстны всякому офицеру, благодаря упражненіямъ юнкеровъ въ военной школѣ и дальнѣйшимъ упражненіямъ офицеровъ въ фехтованіи въ продолженіе зимняго времени, такъ что я не буду говорить о нихъ, но упомяну лишь о томъ, что никто изъ противниковъ не имѣетъ права отступать дальше указанного разстоянія, если только не произойдетъ перерыва въ боѣ, напр. благодаря вмѣшательству секундантовъ при нанесеніи рѣшающаго удара или при выпаденіи оружія изъ рукъ одного изъ сражающихся. Такой минутой беззащитности противника, разумѣется, не воспользуется никто, такъ какъ подобный образъ дѣйствій противорѣчитъ чувству истинной чести и установленнымъ обычаямъ.

При легкой формѣ дуэли, поединокъ обыкновенно считается поконченнымъ послѣ первой же раны; тѣмъ не менѣе совѣтъ чести и въ этомъ случаѣ долженъ сдѣлать попытку къ примире-

нію; при болѣе тяжелой формѣ дуэли долженъ, по крайней мѣрѣ, быть сдѣланъ перерывъ, чтобы дать раненому возможность перевязать рану и собрать новыя силы для продолженія боя. Послѣ нанесенія каждой раны не слѣдуетъ пропускать случая сдѣлать новую попытку къ примиренію, если это дозволяетъ сословная честь.

Перейдемъ снова къ дуэли на пистолетахъ и послѣдуемъ на мѣсто поединка.

Принимая во вниманіе, что приготовленія къ дуэли могутъ занять время около 30 минутъ, обѣ стороны должны явиться на мѣсто поединка ровно за полчаса до назначеннаго времени, соблюдая при встрѣчѣ вѣжливость, требуемую правилами порядочности и не вступая ни въ какіе разговоры, исключая необходимыхъ объясненій, какъ того требуетъ важность даннаго положенія. Дѣло начинается возобновленіемъ попытки къ примиренію, сдѣланной со стороны совѣта чести, и затѣмъ, въ случаѣ неудачи ея, чтеніемъ условій дуэли. Оба противника обязуются исполнять эти условія въ точности и еще разъ удостовѣряютъ своимъ честнымъ словомъ, что они никогда не видали и не имѣли въ рукахъ предназначеннаго для дуэли оружія. Затѣмъ посредникъ производитъ необходимыя приготовленія, т. е. устанавливаетъ, соотвѣтственно условіямъ дуэли, барьеръ и дистанцію приближенія, опредѣляетъ позицію противниковъ, принимая въ соображе-

ніе условія освѣщенія и свойства задняго плана, а также и всѣ другія обстоятельства, могущія повліять на исходъ дѣла; оружіе заряжается или имъ самимъ, или секундантами подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Послѣ этого, секунданты ставятъ обоихъ противниковъ на позицію и по знаку посредника передають имъ оружіе. Приблизительно въ 10 шагахъ отъ противниковъ, сбоку ихъ, становятся секунданты, каждый на своей сторонѣ, держа въ опущенной правой рукѣ заряженный пистолетъ со взведеннымъ куркомъ, готовые всякую минуту застрѣлить того изъ противниковъ, который, уклоняясь отъ установленныхъ условій и требованій сословной чести, вздумаетъ произвести движеніе, угрожающее жизни его кліента. Позади секундантовъ стоятъ врачи, такъ какъ въ виду двойной опасности весьма желательно, чтобы каждая сторона приглашала своего отдѣльнаго врача.

Посредникъ и членъ совѣта чести выбираютъ такую позицію, съ которой удобно могли бы наблюдать за соблюденіемъ требованій сословной чести—лучше всего посрединѣ между обоими противниками на 10 шаговъ въ сторону.

По окончаніи дуэли, обѣ стороны возвращаются домой, совѣтъ же чести и посредникъ дѣлають командиру донесеніе или по его приказу составляютъ формальный докладъ, который долженъ заключать въ себѣ отчетъ о самомъ дѣлѣ

чести, объ условіяхъ вызова, приготовленіяхъ и ходѣ дуэли, а также о сдѣланной попыткѣ къ примиренію. Этотъ докладъ излагается по установленной формѣ.

Что касается слѣдствій дуэли, то оба противника и секундантъ, передавшій вызовъ — если послѣдній не употребилъ всѣхъ усилій воспрепятствовать дуэли на основаніи правилъ, указанныхъ закономъ о взысканіяхъ (см. §§ 201—210)—предаются военному суду и присуждаются, смотря по исходу дуэли, къ болѣе или менѣе продолжительному лишенію свободы; впрочемъ, въ постановленіяхъ о судахъ чести въ концѣ введенія, между прочимъ, говорится слѣдующее:

«Привлекать къ суду чести за дуэль слудуетъ лишь тѣхъ офицеровъ, которые при возникновеніи или разрѣшеніи частной ссоры оскорбили требованія сословной чести».

Показавъ тебѣ путь, на который ты обязанъ вступить, когда тебѣ выпадетъ на долю важная и тяжелая задача возстановить свою затронутую честь посредствомъ оружія, я снова выражаю твердую надежду на то, что если ты по недоразумѣнію или по различію мнѣній будешь когда-либо вовлеченъ въ споръ, то постарайся сдерживаться, не терять самообладанія и быть всегда готовымъ извинить необдуманное, обидное слово или въ свою очередь просить извиненія за таковое же.

Дай Богъ, чтобы высокое довѣріе, которое питаетъ къ своему офицерскому корпусу нашъ всемилостивѣйшій монархъ, все болѣе и болѣе способствовало тому, чтобы благородство и порядочность прочно укоренились въ арміи и чтобы добрая слава, которая была съ достояніемъ съ давнихъ поръ, распространялась въ народъ и послужила къ ихъ тѣсному сердечному единенію на почвѣ любви и преданности престолу и отечеству!

ПЯТНАДЦАТОЕ ПИСЬМО.

Воспитаніе роты, эскадрона и т. п. ихъ командирами.

Введеніе.—Нравственное воспитаніе.—Исходная точка воспитанія.—Духъ времени.—Воспитаніе унтеръ-офицеровъ.—Обученіе военнымъ уставамъ.—Равенство и братство.—Свобода.—Религія.—Назидательныя чтенія и собесѣдованія.—Семейный духъ.—Товарищество.—Библіотека.—Пѣніе.—Любовь къ призванію.—Забота о солдатахъ.—Взысканія.—Награжденія.—Слабые характеры.—Украшеніе казармъ.—Посѣщеніе больныхъ.—Забота о солдатахъ при усиленныхъ напряженіяхъ.—Рождество и день рожденія Императора.—Заключеніе.

Мой милый сынъ!

Съ радостью берусь за перо, чтобы поздравить тебя съ производствомъ въ капитаны и съ назначеніемъ командиромъ роты.

Вотъ уже миновала первая половина твоей жизни, пора свѣтлой, веселой молодости, во время которой ты былъ избавленъ отъ всякихъ серьезныхъ заботъ и отвѣтственности; теперь передъ тобой лежитъ вторая ея половина, несущая съ собою новыя, серьезные задачи. Способенъ ли ты выполнить ихъ? Безъ всякаго сомнѣнія, если ты будешь продолжать относиться къ своимъ обязанностямъ съ тою же непреклонной энергіей и вѣрностью долгу.

Кто не мечталъ поскорѣе добиться самостоятельной дѣятельности, ограниченной опредѣленнымъ кругомъ, какой лейтенантъ не стремился получить болѣе отвѣтственный постъ командира роты?—и кто, послѣ долгихъ лѣтъ утомительнаго труда, не желалъ сбыть свою роту съ рукъ? Командованіе ротой составляетъ цѣль, къ которой стремится лейтенантъ—это наиболѣе достижимый для него идеаль служебной дѣятельности; но онъ не задумывается надъ тяжелымъ трудомъ и серьезной отвѣтственностью, которые несутъ съ собою это положеніе, и когда старшіе товарищи напоминаютъ ему о той массѣ заботъ, которыя сопряжены съ положеніемъ ротнаго командира, онъ съ задоромъ молодости тотчасъ же отгоняетъ эту мысль, какъ докучное видѣніе.

Но дѣло принимаетъ другой оборотъ, когда къ одной звѣздочкѣ прибавится другая, и новая задача вызываетъ серьезное размышленіе. Я поста-

раюсь указать тебѣ путь къ разрѣшенію этой задачи. Хотя есть извѣстная прелесть въ томъ, чтобы блуждать по неизвѣстнымъ тропинкамъ и самостоятельно искать дороги, хотя я самъ признаю, что человѣку слѣдуетъ достигать своей цѣли собственными силами,—тѣмъ не менѣе каждая ошибка имѣетъ здѣсь рѣшающее значеніе и несетъ съ собою огромную отвѣтственность; по этому никто, конечно, не захочетъ отклонить полезный совѣтъ при вступленіи на этотъ многотрудный путь.

Не думай, что я хочу написать тебѣ подробное разсужденіе о практическомъ воспитаніи солдата: по этому вопросу, помимо соотвѣтствующихъ уставовъ и постановленій, имѣется книгъ болѣе, чѣмъ достаточно; при томъ у тебя есть не мало и собственного опыта; нѣтъ, я хочу обратить твое вниманіе въ совершенно другую сторону, то-есть поговорить съ тобою о нравственномъ воспитаніи солдата.

Армія есть сердце народа; къ ней стекаются, благодаря всеобщей воинской повинности, всѣ способные носить оружіе сыны его, съ тѣмъ чтобы по исполненіи своего гражданскаго долга, снова слиться съ народомъ и вернуться къ своему прежнему труду.

Какими приходятъ они къ намъ—для насъ это безразлично, но какими уходятъ отъ насъ—это составляетъ для насъ предметъ огромной важ-

ности, приносящей намъ или честь и славу или горькую, тяжелую заботу. Не отпустить ли съ радостью своего сына въ свѣтъ тотъ отецъ, который твердо увѣренъ въ его честности, богобоязненности и патріотизмѣ? Онъ знаетъ, что сынъ его, благодаря этимъ качествамъ, застрахованъ отъ всякихъ искушеній. И не будетъ ли тотъ, кто знаетъ легкомысліе и слабохарактерность своего сына, дрожать за него въ тотъ часъ, когда тому придется окунуться въ омутъ жизни? Такъ и мы лишь тогда можемъ спокойно возвращать народу нашихъ резервистовъ, когда намъ удалось укрѣпить ихъ въ страхъ Божіемъ, семейной привязанности и непоколебимой преданности трону и государству, чтобы они не только могли устоять противъ всякой бури страстей, но и научились чувству братской любви и единенія, вытекающихъ изъ сознанія, что благоденствіе народа неразрывно связано съ процвѣтаніемъ и внутреннимъ ростомъ государства. Но если они солдаты только по внѣшности, то слѣдствія этого могутъ быть для насъ весьма печальны: вмѣсто того, чтобы распространять въ народѣ духъ вѣрности, служить уравнивающимъ и примиряющимъ началомъ въ низшихъ слояхъ населенія, они усиливаютъ лишь недовольство массы и ея ненависть къ милитаризму. Народъ и армія должны составлять одно цѣлое, сливаться во-едино въ духъ, составляющемъ ихъ силу и оплотъ, такъ

что лучший гражданинъ долженъ быть и лучшимъ солдатомъ — и наоборотъ. Но какъ мало можетъ быть названъ лучшимъ гражданиномъ тотъ, кто только аккуратно платитъ подати и подчиняется закону, не руководствуясь въ своемъ поведеніи любовью къ государю и отечеству, — такъ же мало можетъ назваться лучшимъ солдатомъ тотъ, который кажется на смотру первымъ по выправкѣ или по стрѣльбѣ, въ сердцѣ же не сохраняетъ ни вѣрности долгу, ни преданности своему призванію и славѣ дорогого отечества, напоминая этимъ красивое на видъ яблоко съ червоточиной внутри. Поэтому на насъ, офицерахъ, лежитъ задача развивать въ солдатахъ нравственный элементъ, поэтому центр тяжести военного воспитанія долженъ заключаться въ пробужденіи и поддержаніи того духа доблести, который, помимо всякихъ внѣшнихъ средствъ, составляетъ истинную силу арміи.

Тѣмъ не менѣе, и теперь находятся еще ротные командиры, утверждающіе, что массами управляетъ лишь страхъ и что только одни мечтатели могутъ вѣрить въ достиженіе успѣха посредствомъ развитія чувства чести.

Нѣтъ сомнѣнія, что страхъ служить своего рода кнутомъ для поддержанія внѣшняго порядка и дисциплины въ ротѣ, такъ что на поверхностнаго наблюдателя такая рота можетъ произвести впечатлѣніе вполне исправнаго и даже

высоко стоящаго по нравственнымъ качествамъ войска. Но какъ пойдетъ дѣло тогда, когда этимъ войскомъ уже не будетъ управлять строгая, властная рука, когда ему выпадетъ серьезная задача, и вѣрность долгу потребуетъ принесенія въ жертву собственной жизни? Что будетъ тогда, когда резервисты снимутъ свой военный мундиръ и, освободившись изъ подъ гнета дисциплины, снова вернутся къ прежнему образу жизни? Какъ-то они окажутся, когда Высочайшій приказъ опять призоветъ ихъ къ знаменамъ, хотя бы и на короткое время, для военныхъ упражненій? Клятва вѣрности забыта, привычка къ строгости, нераздѣльная съ чувствомъ страха, убила вѣру въ справедливость и собственное достоинство, преданность къ престолу и отечеству исчезла и на ея мѣсто выступаетъ враждебное чувство къ милитаризму, старательно поддерживаемое его противниками. Рота, составленная изъ такихъ солдатъ, хотя бы она и выказывала блестящія техническія качества, носить въ себѣ зародышъ тяжкаго нравственнаго недуга. Истинно же здоровое ядро содержитъ въ себѣ та рота, которая воспитана въ любви къ своему званію, къ императорскому дому и къ славному отечеству силой любви же, а не страха, какъ первая. Разумѣется, и въ такой ротѣ могутъ встрѣчаться недочеты въ лицѣ отдѣльных ея членовъ—въ дѣлѣ совершенства нѣтъ на землѣ, и всюду могутъ по-

пасться негодяи—но такія исключенія будутъ составлять лишь незначительное меньшинство, не имѣющее никакого вліянія на цѣлое. Въ той ротѣ, гдѣ царствуетъ духъ доблести и вѣрнаго товарищества, члены ея стоятъ всѣ какъ одинъ за честь и славу своей общины, и такое орудіе болѣе цѣнно и дѣйствительно, чѣмъ суровая строгость ротнаго командира, внушающая страхъ. На это должны были бы при осмотрахъ обратить побольше вниманія начальники, главнымъ образомъ полковые командиры: или слѣдуетъ испытывать нравственный элементъ роты личными бесѣдами съ солдатами или другими средствами, выказывающими духъ части въ болѣе яркомъ свѣтѣ.

Мы воспитываемъ солдата не для себя, не для собственной славы, а для отечества, для того, чтобы сдѣлать его прочнымъ орудіемъ защиты, готовымъ во всякое время выполнить свое назначеніе, не отступая, если понадобится, и передъ смертью. Такова единственная точка зрѣнія, съ которой мы должны смотрѣть на воспитаніе роты. Но какъ достигнуть указанной цѣли?

Чтобы основательнѣе изучить этотъ вопросъ, мы должны внимательнѣе присмотрѣться къ народу и выяснить какъ его достоинства, такъ и недостатки, такъ какъ въ духѣ народа заключается и духъ его сыновъ, составляющихъ армію, и мы должны поддерживать или искоренять

этотъ духъ, смотря по тому, направленъ ли онъ къ добру или злу.

Каковъ же этотъ духъ, господствующій теперь въ народѣ? Увы, забыты, повидимому, великіе подвиги славной арміи 70—71 годовъ, забыты тяжелыя жертвы достояніемъ и кровью, которыя мы принесли для того, чтобы снова вырвать изъ рукъ исконнаго врага Эльзась и Лотарингію, и которыми искупили единство германской имперіи; исчезла, повидимому, религія, семейныя привязанности и пониманіе истинныхъ благъ, составляющихъ счастье народа. Низкіе подстрекатели и безсовѣстные эгоисты посягнули на тѣ качества народа, въ которыхъ заключается его величіе. Постоянными подстрекательствами къ ниспроверженію существующаго порядка, обманчивыми картинами свободы, равенства и братства они отравили здоровый раньше духъ народа, и теперь возбужденныя массы гонятся за призракомъ. Нашъ народъ страдаетъ тяжелымъ недугомъ и давно уже пора явиться врачу, который своими могучими средствами вдохнулъ бы въ сердце больного новую жизнь и заставилъ бы биться ровнѣе его беспорядочный пульсъ. Но кто же другой можетъ быть этимъ врачомъ, какъ не офицеръ, и кто изъ офицеровъ, какъ не ротный командиръ?

Несомнѣнно, что народъ падаетъ по мѣрѣ того, какъ утрачивается своя чистота; такъ же несомнѣнно и то, что онъ достигаетъ все большаго

и большаго развитія по мѣрѣ того, какъ укрѣпляется въ вѣрѣ, семейныхъ добродѣтеляхъ, любви къ ближнимъ и преданности къ царствующему дому. Что, какъ не вѣра, помогла нашему народу освободиться отъ своего рабства послѣ постыднаго Тильзитскаго мира и повела армію къ побѣдамъ въ достопамятные годы 1813—15? Что, какъ не высокоуміе и отсутствіе смиренія, погубило Наполеона? Что, наконецъ, во время франко-прусской войны, привело насъ путемъ блестящихъ побѣдъ въ самое сердце Франціи? Была ли это только воля нашего маститаго императора-героя и искусство его геніальныхъ полководцевъ, было ли это лишь мужество и смѣлая рѣшительность офицеровъ, примѣру которыхъ единодушно слѣдовала армія? Нѣтъ, причиной пораженія французовъ было одичаніе нравовъ, усиленіе пороковъ и страстей, исчезновеніе вѣры въ Бога; между тѣмъ какъ нашей арміи въ ея побѣдоносномъ шествіи сопутствовалъ духъ скромности и благочестія, отличавшій нашего незабвеннаго короля, который глубоко запечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ и въ сердцѣ своихъ солдатъ старый боевой кличъ: «съ Богомъ за короля и отечество», и который никогда не забывалъ послѣ каждой побѣды, совместно со своимъ народомъ, воздать хвалу Господу небесныхъ силъ, оказавшему намъ столь видимую помощь. Побѣду нашему оружію доставилъ духъ арміи, съ вѣрою и страхомъ Божі-

имъ борющейся за честь и славу своего короля и родины. И армія будетъ побѣдоносной до тѣхъ поръ, пока въ ней будетъ жить этотъ старый духъ, пока она останется твердой, непоколебимой опорой государства, непроницаемой стѣной отъ внѣшнихъ враговъ и надежнымъ оплотомъ противъ духа разрушенія изнутри. Это знаютъ такъ же хорошо, какъ и мы, тѣ низкіе измѣнники, которые раздражаются длинными іереміадами противъ милитаризма, ненавистнаго ихъ сердцу, который, по ихъ словамъ, отнимаетъ у народа лучшія его силы, бесполезно поглощаетъ чудовищныя суммы и не только требуютъ отъ гражданъ денежныхъ жертвъ, но и обращаетъ въ рабство ихъ сыновей и наноситъ ущербъ ихъ состоянію и труду. Но эти утвержденія есть ничто иное какъ фантасмагорія, которую рисуетъ народу одна лишь партійная злоба, себялюбіе, духъ сопротивленія и равнодушіе къ благу отечества.

Безспорно, армія стоитъ много денегъ, что исполненіе гражданскаго долга чести вноситъ иногда ущербъ интересамъ нѣкоторыхъ лицъ,—но утверждать, что армія составляетъ злокачественную язву въ дѣлѣ народнаго благосостоянія, значить, говорить низкую клевету. Не кипить-ли по прежнему работа въ рудникахъ и на фабрикахъ? Не обрабатываются-ли такъ же тщательно поля и не собирается-ли съ нихъ въ свое время жатва? Не процвѣтаетъ-ли народное благосостояніе

несмотря несмотря на ту же армию? И если кто возразитъ мнѣ, что есть много фабрикъ, которыя закрылись на время или даже на всегда, что не прекращаются справедливыя жалобы сельскихъ хозяевъ на недостатокъ рабочихъ рукъ, то я смѣло отвѣчу ему, что армія въ этомъ не виновата, что причина этому кроется съ одной стороны въ приливъ рабочихъ къ большимъ промышленнымъ центрамъ, гдѣ притягательной силой является высокая заработная плата, съ другой—въ растлѣвающимъ недовольствѣ и алчности, въ глухой подземной работѣ той партіи, которая подрываетъ законъ и порядокъ, волнуетъ легко возбуждающіеся умы, побуждаетъ ихъ бросать работу и ведетъ ихъ къ окончательной гибели. Напротивъ того, если бы армія была теперь распущена и сотни тысячъ людей, находящихся въ настоящее время пріютъ и попеченіе въ арміи, были бы выброшены снова въ потокъ общественной жизни, то какъ увеличилось бы число безпріютныхъ и голодныхъ, какъ подорвалось бы народное благосостояніе! Нѣтъ, армія есть не зло, а благо народа, такъ какъ она пріучаетъ cadaго изъ сыновъ его къ порядку и дисциплинѣ, дѣятельности и энергіи, бодрому перенесенію тяжелыхъ трудовъ и лишеній; вселяетъ въ него послушаніе и вѣрность долгу, дѣлаетъ его искуснымъ въ употребленіи оружіемъ и заставляетъ жить умѣренною, здоровою

жизнью, помимо получаемого имъ нравственнаго воспитанія.

Правда, милитаризмъ представляетъ опасность, но не для народнаго благосостоянія, какъ разглашаютъ люди тьмы, а для духа разрушенія, и эта опасность растетъ по мѣрѣ того, какъ съ другой стороны растетъ благо. Поэтому-то партизаны и вожаки этой партіи и объявили смертельную войну арміи, а чтобы еще больше подкрѣпить свои нападки на милитаризмъ, они дошли до того, что подъ лицемѣрной маской друзей народа стремятся разрушить народные идеалы и чистоту нравовъ, осмѣять религію и вѣру нашихъ отцовъ, расторгнуть тѣсныя узы семьи и дружбы, и заглушивъ чувство чести и долга, вырвать съ корнемъ любовь къ королю и отечеству. Они слишкомъ хорошо знаютъ, что вѣра въ Бога предписываетъ повиновеніе начальству, что любовь къ родителямъ, семьѣ и родинѣ нераздѣльна съ любовью къ отечеству и государю. Лишь по разрушеніи всѣхъ идеаловъ можетъ восторжествовать злой духъ этой партіи, лишь тогда можетъ пышно взойти дурное сѣмя, посеянное врагами народа!

Къ несчастью, это позорное вѣянiе захватываетъ все болѣе и болѣе обширную область, и жертвою его становятся все болѣе многочисленныя слои народа, разумѣется, еще не какъ убѣжденные адепты, но какъ люди, ослѣпленные за-

манчивыми общаніями. Нашъ народъ еще не палъ, но страдаетъ тяжелой заразой. Всякій истинный патріотъ долженъ по мѣрѣ силъ противодействовать злу, для насъ же офицеровъ, и въ особенности для ротныхъ командировъ, это составляетъ важнѣйшій долгъ.

Зная теперь зло во всемъ его объемѣ и понимая его происхожденіе, неужели мы не найдемъ средствъ побороть его? Возвратимъ народу его семейныя привязанности и прежде всего религію, научимъ его признавать пользу и даже необходимость арміи,—и мы увидимъ, какъ съ сердца народа спадетъ грубая кора и всѣ убѣдятся, что армія есть лучшая школа, вырабатывающая сильныхъ, крѣпкихъ, здоровыхъ физически и нравственно гражданъ.

Но что долженъ дѣлать офицеръ и прежде всего капитанъ, чтобы помочь достиженію этой цѣли?

Капитанъ не въ состояніи имѣть за всѣмъ наблюденіе. Онъ во многихъ случаяхъ долженъ полагаться на своихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, и потому первой его задачей должно быть воспитаніе унтеръ-офицеровъ и забота о томъ, чтобы они дѣйствовали въ духѣ его начинаній. Если справедливо то, что духъ арміи заключается въ ея офицерахъ, то не менѣе справедливо и то, что духъ роты заключается въ ея унтеръ-офицерахъ, и судя по послѣднимъ, мож-

но составить сужденіе и о цѣлой ротѣ. Въ этомъ согласятся даже и тѣ, которые по своей безпечности недостаточно заботятся о дальнѣйшемъ воспитаніи унтеръ-офицеровъ своей роты, хотя и преисполнены самыхъ благихъ намѣреній. Что для полка составляютъ офицеры, то для роты—унтеръ-офицеры, и та же высокая отвѣтственность, которую императоръ возлагаетъ на полкового командира за воспитаніе молодыхъ офицеровъ, согласно постановленіямъ о судахъ чести,—падаетъ и на ротного командира за его унтеръ-офицеровъ. Кромѣ того, онъ долженъ понимать, что его унтеръ-офицеры въ данномъ случаѣ не могутъ служить ему помощниками, отчасти потому, что составъ ихъ весьма часто мѣняется, между тѣмъ какъ воспитаніе должно оставаться въ однѣхъ рукахъ—отчасти потому, что имъ еще недостаетъ необходимаго опыта, что они сами еще не могутъ понять достаточно ясно, что именно требуется въ данномъ случаѣ. Хорошіе унтеръ-офицеры составляютъ существенную и необходимую поддержку для капитана; дурныхъ же можно назвать настоящей ротной язвой, и потому, чѣмъ они добросовѣстнѣе и охотнѣе исполняютъ свои обязанности, тѣмъ это выгоднѣе для роты. Взрослый человѣкъ не можетъ быть, подобно ребенку, воспитанъ посредствомъ увѣщаній и выговоровъ, но лишь посредствомъ постоянного примѣра, и это еще разъ доказываетъ ту истину,

что тотъ, кто желаетъ воспитывать, долженъ прежде всего воспитать себя самого.

Унтеръ-офицеръ, въ противоположность учителю, почти не имѣющему общенія со своими учениками внѣ школы, всегда находится на глазахъ своихъ подчиненныхъ, какъ въ служебное, такъ и въ неслужебное время; они наблюдаютъ за всѣми его поступками, и отъ него зависитъ подать имъ хорошій или дурной примѣръ, опредѣляющій все ихъ дальнѣйшее поведеніе. Унтеръ-офицеръ есть не только начальникъ солдата, но и его старшій, болѣе богатый опытомъ и служебными знаніями товарищъ, даже болѣе того—его ближайшій совѣтникъ и довѣренный. Если онъ достоинъ этого довѣрія, то дѣлается для солдатъ авторитетомъ, благотворное вліяніе котораго не ограничивается ихъ военною жизнью, но простирается далеко за ея предѣлами, въ ихъ частной жизни. Поэтому плохой унтеръ-офицеръ представляетъ опасность не только для дисциплины, но и для всей нравственности солдатъ его роты, и не на время только, а на всю жизнь. Лучше работать подъ руководствомъ свѣдущихъ вольноопредѣляющихся, чѣмъ подъ начальствомъ унтеръ-офицеровъ, видящихъ въ своей службѣ лишь средство пропитанія. Мы—люди—требуемъ, чтобы передъ нашими глазами постоянно находился примѣръ, которому мы стремимся подражать и который служить намъ

поддержкой въ минуту слабости, сообщая намъ силу преодолѣть зло. Всякій унтеръ-офицеръ долженъ постоянно имѣть это въ виду; но и самъ онъ нуждается въ достойномъ образцѣ, а кто же можетъ служить ему такимъ образцомъ, какъ не отецъ роты, его ротный командиръ? Я не считаю нужнымъ указывать еще разъ на полное высокаго значенія слово «отецъ» и напоминать о той массѣ обязанностей, выпадающихъ на долю отца семейства, кромѣ которыхъ онъ долженъ соблюдать строгую справедливость и безпристрастіе, выказывать одинаковую любовь и заботливость о всѣхъ членахъ семьи. И такъ, воспитаніе унтеръ-офицеровъ есть первое условіе воспитанія всей роты, и потому ротному командиру слѣдуетъ не жалѣть силъ и взять всецѣло на себя этотъ тяжелый трудъ, который лишь благодаря его посредству и можетъ сдѣлаться благотворнымъ. Хотя въ началѣ дѣло покажется труднымъ и будетъ отнимать много времени вслѣдствіе необходимости основательной подготовки къ нему, зато богатый успѣхъ послужитъ наградой за всѣ труды и заботы. Если унтеръ-офицеръ ясно пойметъ свои высокія, полныя отвѣтственности обязанности, если онъ будетъ твердо знать, что долженъ во всемъ служить примѣромъ ротѣ и что его личное благо нераздѣльно съ ея благомъ, то будетъ опасаться повредить своими ошибками, слабостями и поро-

ками какъ своему доброму имени, такъ и доброму имени роты. Чѣмъ скорѣе достигнетъ ротный командиръ этой цѣли, тѣмъ для него лучше; но онъ не долженъ ни отчаиваться отъ первыхъ неудачъ, ни довольствоваться полученнымъ, часто обманчивымъ успѣхомъ, но не переставая продолжать начатую работу, такъ какъ только упорное преслѣдованіе намѣченной цѣли и можетъ принести дѣйствительный успѣхъ. Поддержкой въ дѣлѣ воспитанія унтеръ-офицеровъ должна ему служить увѣренность послѣднихъ въ его правдивости и безпристрастіи и вытекающее изъ этого глубокое къ нему уваженіе; если же въ нихъ окончательно укрѣпится сознаніе, что при необходимой строгости, его поступками руководить чувство теплаго доброжелательства къ своимъ подчиненнымъ, живое участіе къ ихъ интересамъ и постоянная забота объ ихъ благѣ, то дѣло его выиграно: они становятся его преданными, усердными помощниками, и при ихъ содѣйствіи онъ воспитываетъ лучшихъ солдатъ, которые впослѣдствіи окажутся и лучшими гражданами. Но здѣсь онъ не долженъ оставаться на полдорогѣ: потрудившись надъ воспитаніемъ своихъ унтеръ-офицеровъ, онъ не долженъ складывать руки, предполагая что выработалъ для роты достаточное число учителей и воспитателей, которые съ успѣхомъ замѣнятъ его. Унтеръ-офицеры могутъ быть лишь его вѣр-

ными, дѣтельными помощниками, подобно тому какъ въ семьѣ старшіе братья ставятся въ примѣръ младшимъ и оказываютъ родителямъ помощь въ дѣлѣ ихъ воспитанія,—но никогда это воспитаніе не переходитъ всецѣло въ ихъ руки, такъ какъ для этого имъ недостаетъ необходимыхъ знаній, опытности и широты взгляда, требуемой для того, чтобы для надлежащей цѣли найти надлежащія средства.

Разсмотримъ теперь, каковы средства, которыя даны командиру роты для воспитанія лучшаго солдата и лучшаго гражданина.

Воспитаніе солдата начинается съ той самой минуты, какъ гражданинъ является къ своему знамени, и не прекращается до тѣхъ поръ, пока онъ снова не вернется къ частной жизни. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, съ охотой ли идетъ рекрутъ въ военную службу для исполненія своихъ гражданскихъ обязанностей, или лишь по принужденію; кромѣ того, я уже раньше имѣлъ случай замѣтить, насколько пагубное ученіе успѣло подорвать любовь къ семьѣ и государству, разрушить самую религію и посѣять въ сердцѣ народа ненависть къ милитаризму, такъ что я не ошибусь, если скажу, что народъ долженъ снова переродиться, чтобы воспринять въ себя добрыя сѣмена любви къ Богу и отечеству, привязанности къ семьѣ и императорскому дому, которыя заглохли въ немъ подъ влія-

ніемъ духа времени. Народъ блуждаетъ во тьмѣ,—его надо привести къ свѣту. Но кто лучше съумѣетъ озарить свѣтомъ душу молодого солдата, какъ не командиръ роты, если онъ отечески печется о немъ? И что можетъ способствовать этому, какъ не обстоятельное разъясненіе военныхъ уставовъ, производимое самимъ командиромъ?

На основаніи сказаннаго, я считаю крайне ошибочнымъ со стороны ротнаго командира слагать съ себя эту обязаность и передавать трудное дѣло обученія солдатъ на руки рекрутскому офицеру, который несмотря на свои, быть можетъ, незаурядныя дарованія, не можетъ дѣйствовать на своихъ учениковъ силою убѣжденія благодаря своей крайней молодости. Какъ съумѣетъ молодой офицеръ опровергнуть злобныя выходки противъ милитаризма и лживое ученіе соціалъ-демократіи, когда самъ хорошо не знаетъ его сущности и настоящаго значенія? Я охотно допускаю, что въ массу нашего сельскаго населенія еще не проникъ ядовитый духъ нашего времени, что наши рекруты, взятые изъ промышленныхъ округовъ, не принадлежатъ еще къ убѣжденнымъ приверженцамъ соціалъ-демократической партіи, но они уже достаточно пропитались ея духомъ и вмѣстѣ съ многочисленными ея поклонниками гонятся за призрачными картинами, созданными возбужденной фантазіей; страшный потокъ увлекаетъ ихъ, и несмотря, быть можетъ, на сознаніе

своего заблужденія, они уже не могут выбратъся на спасительный берегъ. И этому нечего удивляться: естественно предположить, что молодые люди, не имѣя ни опыта, ни проницательности, повѣрили тому, что армія представляет опасность для народа и, увлекшись заманчивыми обѣщаніями свободы, равенства и братства, примкнули къ партіи, развертывающей столь увлекательныя картины близкаго будущаго. Вѣдь они ничего не видали и не слыхали кромѣ своихъ лживыхъ пророковъ и ихъ односторонняго ученія; поэтому ближайшей цѣлью ротнаго командира должно быть искорененіе духа злобы и водвореніе на его мѣсто любви и преданности своему призванію. Не трудно доказать, что идея свободы, равенства и братства, какъ она ни кажется прекрасной сама по себѣ, есть въ сущности мечта, неисполнимая въ дѣйствительности. Каждый рекрутъ знаетъ изъ опыта собственной жизни, какъ властно управляютъ нами человѣческія страсти, но лишь не отдастъ себѣ въ этомъ яснаго отчета, хотя и самъ, быть можетъ, уже пострадалъ отъ людской зависти и злобы. Можетъ ли онъ упорно держаться своего заблужденія, если мы ему докажемъ, что низкія побужденія человѣческой души обнаруживаются чаще всего именно среди равныхъ по положенію? Наблюденіе надъ обитателями тюремъ показываетъ намъ, что большинство наказаній налагается

за драки, которыя въ свою очередь были вызваны злобой и ненавистью. Не дастъ ли это намъ понять, что даже и равное социальное и имущественное положеніе не доставляетъ намъ удовольствия именно потому, что мы люди и имѣемъ человѣческія слабости и страсти? Къ чему можетъ послужить раздѣленіе собственности, когда природа постоянно творитъ неравенства: одинъ лѣнивъ, другой прилеженъ; тотъ силенъ и здоровъ, этотъ слабъ и болѣзненъ; одному улыбается счастье, другому судьба посылаетъ одно горе? Представимъ себѣ, что въ какомъ нибудь городѣ общее имущество было бы раздѣлено между жителями на совершенно равныя части; спрашивается, какъ долго будетъ продолжаться это равенство имущественнаго положенія? Разумѣется, ни одного часа, такъ какъ прилежный и экономный будетъ стремиться сохранить и даже увеличить свою собственность, расточитель же, игрокъ и пьяница живо пропустятъ свою часть общественнаго имущества. Въ особенности ясно видно это намъ въ любой рабочій день, доставляющій всѣмъ солдатамъ одинаковый заработокъ, такъ что они являются здѣсь совершенно равноправными: что наблюдаемъ мы еще вечеромъ того же дня у отдѣльныхъ солдатъ? Въ то время, какъ у одного цѣликомъ сохранились всѣ заработанныя деньги, кошелекъ другого уже совершенно пустъ; между положеніемъ перваго и послѣдняго мы

находимъ безчисленныя градаціи, и имущественное равенство окончательно нарушено. То же самое произойдетъ и въ деревнѣ, если мы раздѣлимъ деревенское поле на равныя участки, и тутъ также дастъ себя почувствовать разни́ца въ степени прилежанія, здоровья, умѣнья и счастья: первая же жатва принесетъ одному избытокъ, а другому нужду. Что дѣлается въ маломъ дѣлѣ, то дѣлается и въ большомъ; и если на это возразятъ, что въ великомъ государствѣ будущаго всякая частная собственность уничтожится, то и такое устройство далеко не будетъ способствовать установленію равенства и довольства, такъ какъ искусный работникъ всегда будетъ питать враждебное чувство къ лѣнтяю, получающему не меньше его, а пьяница станетъ негоднымъ ни къ какой работѣ. Нѣтъ, имущественнаго равенства не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока мы все не сдѣлаемся одинаково сильными и добродѣтельными. Но такъ же немислимы и равенство въ званіи, и братство жизни: всегда должны быть мастера и подмастерья, господа и работники, начальники и подчиненные—этому закону учить насъ сама жизнь. Что сдѣлается съ зданіемъ, если каждый рабочій станетъ укладывать камни какъ ему вздумается, вмѣсто того, чтобы повиноваться мастеру и поступать по его указанію? Какъ поѣдемъ мы по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, если никто

не станетъ смотрѣть за машинами, а всякій захочетъ быть начальникомъ или капитаномъ? и какъ побѣдить та армія, въ которой всѣ вздумаютъ командовать и никто не захочетъ исполнять чужія приказанія, хотя бы каждый отдѣльный членъ ея и отличался личною храбростію? И куда бы мы только ни посмотрѣли въ повседневной жизни—будь это на службѣ, въ семьѣ, при серьезной работѣ или веселомъ развлеченіи—всюду передъ нами возстаетъ та непреложная истина, что на землѣ не существуетъ ни равенства ни братства и что намъ никогда не удастся достигнуть ихъ ни добровольно, ни насильственно, пока мы останемся людьми. Таковъ законъ природы, установленный Богомъ, и не слабой рукѣ человѣка уничтожить его.

Что касается свободы, то неужели мы не пользуемся ею въ настоящее время, можемъ ли мы еще считать себя рабами? Напротивъ того, куда мы ни взглянемъ, всюду царитъ полнѣйшая свобода. Никто не принужденъ вступать на заранѣе опредѣленное и нежелательное ему поприще—всякій можетъ избрать и изучить то, что ему нравится; единственное препятствіе здѣсь могутъ представить лишь собственные способности или средства; никто не привязанъ къ одному опредѣленному мѣсту, а имѣетъ право жить гдѣ ему угодно; всякій можетъ безъ страха и заботы смотрѣть на приближающуюся старость и при бо-

лѣзни или слабости поступаетъ на попеченіе государства; каждый гражданинъ участвуетъ во всеобщемъ правѣ голосованія и имѣетъ своего представителя и защитника въ парламентѣ. Не есть ли это наибольшая свобода, какая только мыслима? И если за всѣ эти права и надежную охрану, доставляемую существующимъ порядкомъ каждому подданному, государство налагаетъ на него извѣстныя обязанности, то это не можетъ назваться стѣсненіемъ свободы, а представляетъ лишь естественный и добровольный взаимный договоръ. Никакое дѣйствіе не мыслимо безъ взаимодѣйствія, а отсюда вытекаетъ, что и всякая услуга требуетъ взаимной услуги. Кто работаетъ, тотъ получаетъ заработокъ, кто покупаетъ, тотъ долженъ платить за купленное—словомъ, куда мы ни посмотримъ, всюду жизнь требуетъ возданія должнаго за всякій поступокъ. Неужели лишь одно государство не имѣетъ права требовать справедливаго воздаянія за доставленный имъ миръ, спокойствіе и порядокъ, за охраненіе народнаго благосостоянія, которое исходитъ отъ него же, за безопасность, которую оно предоставляетъ каждому отдѣльному гражданину? Можетъ ли назваться стѣсненіемъ свободы уплата незначительныхъ налоговъ, которые назначаются каждому гражданину смотря по его доходамъ? можетъ ли считаться рабствомъ всеобщая воинская повинность? Не заключается ли принципъ совер-

шенной справедливости и равенства въ томъ, что благодаря этой общей повинности, каждый способный носить оружіе гражданинъ, безъ различія званія и состоянія, долженъ быть солдатомъ? Да, мы свободны въ полномъ значеніи этого слова. Что лишаетъ насъ свободы—это не воздѣйствіе внѣшней среды, но низкія побужденія, заложенные въ нашемъ сердцѣ и дѣйствующія на насъ изнутри, причемъ ихъ поддерживаютъ все болѣе и болѣе распространяющіяся волны недовольства. Довольный же съ благодарностью обращаетъ свои взоры къ небу, счастливый сознаніемъ того, что принадлежитъ къ великому народу, пользующемуся мудрымъ управленіемъ подѣсьною справедливыхъ законовъ и порядка.

Когда рекруты поймутъ всю шаткость и неосновательность ученія социаль-демократовъ, то легко признаютъ, что армія представляетъ не опасность, но—какъ я сказалъ раньше—благо для жизни народа, и что, наоборотъ, опасность грозитъ народному благосостоянію именно со стороны партіи, поднимающей кровавое знамя возстанія и проповѣдующей разрушеніе; они поймутъ, что именно тѣ, у которыхъ не сходятъ съ языка слова: свобода, равенство и братство, больше всѣхъ лишаютъ свободы, угнетаютъ и разоряютъ своихъ приверженцевъ; угнетаютъ тѣмъ, что не дозволяютъ имъ свободы совѣсти, деспотически требуя отъ нихъ выхода изъ лона госу-

дарственной церкви и отреченія, ради интересовъ партіи, отъ собственной семьи и отечества; разоряютъ тѣмъ, что вымогаютъ у своихъ сочленовъ несоразмѣрно высокіе взносы для поддержанія своихъ вожаковъ, своей газеты и даже всей партіи,—взносы, которые рабочій съ трудомъ долженъ выгадывать изъ дневнаго пропитанія для того только, чтобы дать возможность непроизводительно растрачивать ихъ, и съ которыми далеко не могутъ сравниться подати, налагаемые государствомъ или общиной. Пусть попробуютъ предложить какому-нибудь изъ хвастливыхъ вожаковъ этой партіи, которые такъ красно говорятъ о кускѣ хлѣба и щепоткѣ табаку для бѣдняка, чтобы они отказались отъ своихъ избытковъ въ пользу партіи, и мы тотчасъ же увидимъ, какъ замолкнетъ ихъ трогательная пѣсня о бѣдномъ человѣкѣ. Узнавъ всю опасность, грозящую народу отъ этихъ волковъ въ овечьей шкурѣ, рекрутъ увидитъ глубину бездны, которая разстилалась передъ его ногами и будетъ опять искать той твердой почвы, на которой онъ такъ хорошо чувствовалъ себя, когда еще не былъ увлеченъ заманчивыми картинами этого миража. И тогда онъ снова будетъ въ состояніи воспринять добро и вернуться къ Богу, семьѣ, государю и отечеству.

Намѣреваясь, при обученіи солдата, руководиться военными уставами, мы должны прежде

всего принять въ соображеніе то, что при поступленіи на службу, рекрутъ даетъ священную клятву вѣрности своему высшему вождю, призывая въ свидѣтели самого Бога; и это поведетъ насъ къ вопросу о религіи.

Клятва на знамени, произносимая одними устами, безъ участія сердца, есть лишь пустой звукъ, лицемѣрная формальность, — но подкрѣпляемая твердой вѣрой, она имѣетъ могучую, неодолимую силу. «Клянусь въ этомъ всемогущимъ Богомъ, да не лишитъ Онъ меня вѣчнаго блаженства», — такъ гласитъ формула присяги. Рекрутъ говорить этимъ, что намѣревается во что бы то ни стало сдержать свою клятву въ вѣрности и отказывается отъ сопричастія къ загробной блаженной жизни, если когда-либо измѣнить своей присягѣ. Такая клятва преступна въ устахъ безбожника, но для человѣка вѣрующаго представляетъ твердую поддержку въ минуты опасности и несчастія.

Между тѣмъ есть много офицеровъ, которые смотрятъ на религію, какъ на давно порѣшенный вопросъ и съ улыбкой состраданія слушаютъ тѣхъ, кто еще такъ наивенъ, что не подвергаетъ сомнѣнію бытіе Божіе; есть много такихъ, которые полагаютъ, что окажутся не на высотѣ образованія и развитія, если будутъ твердо держаться вѣрованія, представляющаго лишь дѣтскую сказку и годнаго развѣ только для про-

стого народа; но всѣ они забываютъ, что въ настоящее время требуется больше мужества нато, чтобы открыто и искренно признавать Всевышняго, чѣмъ отрекаться отъ Него; они забываютъ, что солнце Его правды одинаково свѣтитъ на правыхъ и неправыхъ, что испытанія и несчастія одинаково ниспосылаются Имъ какъ на самыхъ знатныхъ, такъ и на самыхъ послѣднихъ изъ бѣдниковъ; и горе тому, кто окажется въ отсутствіи, когда Господь призоветъ его къ себѣ! Смерть падить богатаго такъ же мало, какъ и бѣдняка, косить молодого и сильного такъ же безжалостно, какъ стараго и слабаго, и потому религія должна быть не для однихъ больныхъ и слабыхъ, а для всѣхъ.

Офицерамъ въ особенности не подобаетъ легкомысленно относиться къ религіознымъ вопросамъ въ силу ихъ высокой воспитательской роли. Какъ будутъ они воспитывать нравственные качества въ своихъ солдатахъ, если сами не имѣютъ вѣры? Напомню здѣсь слова блаженной памяти короля Вильгельма I: «Я желаю, чтобы вѣра сохранилась въ моемъ народѣ». Конечно, можно имѣть различные взгляды на религію, но что останется неопровержимымъ, такъ это то, что сильный и дѣльный характеръ вырабатывается лишь при ясномъ, здоровомъ міросозерцаніи,—наиболѣе же совершенное міросозерцаніе есть христіанское. Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что

солдату религія не нужна, такъ какъ она убиваетъ его жизнерадостный и бодрый духъ и служить лишь прибѣжищемъ для трусовъ. Только вѣра въ милосерднаго Бога и Божественнаго Искупителя оказываетъ поддержку храброму и даетъ силу трусливому побороть свою трусость. Конечно и другія побужденія: ненависть, жажда мести и славы могутъ иногда внушить храбрость и презрѣніе къ смерти, но такая храбрость устойчива лишь въ счастіи, въ несчастіи же она оказывается несостоятельной и разлетается, какъ солома отъ вѣтра. Истинное, непоколебимое мужество дается лишь вѣрой, и наоборотъ, теряетъ подъ собою почву при безвѣріи. Легко доказать это примѣромъ 1870—71 годовъ, когда со стороны Германіи во главѣ войска стоялъ маститый императоръ-герой, съ высоты своей славы смиренно воздававшій хвалу Господу силъ, за нимъ народъ, сливавшійся съ нимъ въ благодарственной молитвѣ, и армія, шедшая въ битву съ вѣрой въ Божіе милосердіе; со стороны же Франціи—монархъ, легкомысленно обнажившій мечъ изъ пустого тщеславія, народъ, отпавшій отъ Бога и погрязшій въ разнузданной безнравственности, и армія, полагавшая въ хвастливой самоувѣренности, что она уже не нуждается въ существованіи Бога: все это подтверждаетъ ту истину, что по мѣрѣ того, какъ народъ отдаляется отъ вѣры въ Бога и въ свѣтлые идеалы, онъ все больше от-

дается во власть себялюбію, жаждѣ къ наслажденіямъ и другимъ растлѣвающимъ порокамъ; съ другой стороны, чѣмъ крѣпче и глубже его вѣра, тѣмъ онъ сильнѣе духовно и тѣмъ успѣшнѣе идетъ по пути къ совершенству. Вѣрой сохраняется чистота нашихъ нравовъ, наша традиціонная, прославленная нѣмецкая вѣрность, развивается истинная добродѣтель и просвѣщеніе, укрѣпляется чувство чести и долга. Къ сожалѣнію, въ самомъ сердцѣ народа мы видимъ не мало вѣроотступниковъ; все тотъ же духъ разрушенія возбуждаетъ людскія страсти противъ закона и порядка, и послѣднія, опрокинувъ эти преграды, бурно прорываются наружу, разнося несчастіе, между тѣмъ какъ то сердце, въ которомъ жива вѣра, недоступно вліянію этого духа и находитъ въ себѣ силу подавлять свои страсти.

Полагаю, что изъ этого достаточно видна необходимость вѣры, и я теперь перейду къ обсужденію тѣхъ средствъ, которыя даны ротному командиру, чтобы вернуть къ Богу ввѣренную ему паству.

Послѣ шести рабочихъ дней въ недѣлѣ седьмой, долженъ быть посвященъ Богу. Но кто нарушаетъ святость воскресныхъ и праздничныхъ дней всевозможными сборами, осмотрами, парадами и другими формальностями, имѣющими какое-либо отношеніе къ службѣ, тотъ идетъ по ложной дорогѣ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы подобными мѣрами

поддержать религію, онъ дѣйствуетъ какъ разъ наоборотъ и все болѣе и болѣе отчуждаетъ свою роту отъ вѣры. Не естественно-ли, что именно въ наше время, отличительный признакъ котораго есть стремленіе къ равенству, подобная ошибка жестоко мститъ за себя? Если командиръ роты не только самъ нарушаетъ святость воскресенья, но понуждаетъ къ этому и своихъ подчиненныхъ, то нечего удивляться тому, что почитаніе праздничнаго дня все болѣе и болѣе исчезаетъ. Успѣхъ обнаруживается лишь въ томъ случаѣ, если ротный командиръ будетъ каждое воскресенье собирать свою роту не для службы, а для того, чтобы убѣдить ихъ провести праздникъ по христіански, не предаваясь никакимъ предосудительнымъ удовольствіямъ и излишествамъ; кромѣ этого онъ еще заранѣе долженъ напоминать имъ о томъ, что христіанинъ обязанъ ходить въ церковь, чтобы благодарить Бога за прожитую недѣлю и просить силъ для наступающей; притомъ командиръ, разумѣется, долженъ самъ подавать хорошій примѣръ: нужно, чтобы солдаты видѣли, какъ онъ посѣщаетъ церковь и руководились его отношеніемъ къ религіи при разрѣшеніи религіозныхъ вопросовъ. Но тутъ-то и случаются погрѣшности: какъ часто мы видимъ въ церкви офицеровъ, которые преспокойно болтаютъ за богослуженіемъ, при чемъ на ихъ лицахъ ясно написано, что они посѣщаютъ домъ Божій не по собствен-

ной охотѣ, а по принужденію; какъ часто многіе офицеры въ присутствіи своихъ солдатъ необдуманно критикуютъ священнослужителя и его вѣру, и какъ часто они прямо изъ церкви идутъ въ трактиръ на глазахъ тѣхъ же солдатъ!

Но этого не должно допускать ни подъ какимъ видомъ, и если, къ сожалѣнію, офицеръ не можетъ самъ вознестись мыслью къ Богу, то все-таки долженъ сохранить приличную серьезность и, во имя своего долга, не подавать, по крайней мѣрѣ, повода къ соблазну. Въ данномъ случаѣ на обязанности старшихъ офицеровъ лежитъ наблюденіе за своими младшими товарищами.

Слова короля: «я желаю, чтобы въ моемъ народѣ сохранилась вѣра» должны служить путеводною нитью для всѣхъ офицеровъ и закономъ для нашего поведенія во время церковной службы, такъ какъ несомнѣнно, что мы поддерживаемъ благоговѣніе солдатъ, когда даемъ имъ возможность видѣть, что и начальники ихъ съ серьезнымъ вниманіемъ слушаютъ божественную службу и по окончаніи ея идутъ не въ трактиръ, а домой къ своей семьѣ. Но этого недостаточно—слаба была бы та вѣра, которая напоминала бы о своемъ Богѣ лишь по воскресеньямъ. Что же слѣдуетъ еще дѣлать?

Въ большинствѣ гарнизоновъ установлены назидательныя чтенія, которыя ведутся гарнизоннымъ или приходскимъ священникомъ, и кото-

рыя сначала посѣщаются многими солдатами лишь изъ любопытства или для того, чтобы избавиться отъ службы, впоследствии же становятся для нихъ потребностью. Также и въ этомъ случаѣ, ротные командиры сдѣлали бы благое дѣло, если бы поддержали священниковъ, не только поощряя унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ къ посѣщенію этихъ чтеній, но и подавая въ этомъ добрый примѣръ совместно съ другими офицерами роты.

Тамъ же, гдѣ эти чтенія не установлены за неимѣніемъ соотвѣтствующаго помѣщенія или т. п., ротному командиру слѣдуетъ вмѣсто нихъ почаще устраивать собесѣдованія съ солдатами, на которыя, при желаніи, всегда найдется необходимое время. Тема должна избираться при этомъ такая, которая могла бы научить солдатъ чему нибудь истинно доброму и полезному; въ непринужденномъ разговорѣ, безъ соблюденія служебной дисциплины, командиръ рассказываетъ разныя небольшія исторіи изъ жизни нашихъ королей, приводя примѣры ихъ твердой вѣры и упованія на Бога въ самыхъ тажкихъ, затруднительныхъ случаяхъ; передаетъ разнообразныя сцены изъ жизни нашего народа, указывая на милосердіе и могущество Божіе, проявлявшіяся въ минуту величайшаго бѣдствія; описываетъ картины войны и мира, обращая и здѣсь вниманіе слушателей на то, какъ иногда Провидѣніе спасало уже пришедшихъ было въ отчаяніе

вождей и доставляло разстроенному войску побѣду въ самую послѣднюю минуту.

Вотъ тотъ путь, по которому долженъ слѣдовать командиръ роты, если онъ хочетъ привести къ Богу ввѣренныхъ ему питомцевъ.

Послѣ подобныхъ бесѣдъ при условіи свободнаго общенія съ солдатами, легко добиться у молодыхъ рекрутъ любви къ своему новому призванію и яснаго пониманія своихъ обязанностей, указанныхъ въ военныхъ уставахъ. Такое общеніе кладетъ прочное основаніе въ дѣлѣ воспитанія войска, которое такимъ образомъ дѣлается дѣйствительной опорой государства.

Рядомъ съ вѣрой въ Бога, командиръ долженъ внушить своей ротѣ и любовь къ законному государю, указывая ей на тѣ трудныя и многосложныя обязанности, которыя выпадаютъ на долю монарха, на его неусыпныя заботы о счастіи своихъ подданныхъ, на неустанное стараніе сохранить миръ для ихъ блага; ежечасно напоминая ей о долгѣ безграничной любви и преданности къ своему высшему вождю, о вѣрности и готовности служить ему до смерти.

Далѣе, капитанъ долженъ позаботиться о поддержаніи въ солдатахъ духа семейной привязанности. Но спросишь ты, какое значеніе имѣетъ для солдата этотъ духъ? Онъ имѣетъ для него важное значеніе потому, что народъ есть та же семья, но лишь въ значительно большихъ размѣ-

рахъ. Кто не питаетъ любви къ родной семьѣ, кто не чувствуетъ себя связаннымъ крѣпкими узами съ людьми, родственными ему по крови, тотъ не будетъ знать чувства дружбы и товарищества. Кто холодно относится къ родинѣ, отцу и матери, тотъ не пойметъ чувства любви къ отечеству и къ своему народу. Лишь тотъ, кто помнитъ святую заповѣдь: «чти отца и мать свою» и Священное писаніе, гдѣ говорится: «кто ненавидитъ брата своего, назовется убійцей» — сливаетъ любовь къ дорогимъ сердцу съ любовью къ государю и всему народу, который въ сущности также составляетъ для него одну большую семью. Кто любитъ своихъ родственниковъ и заботится объ ихъ благѣ, чье сердце всѣми своими фибрами привязано къ родному дому, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ любить и отечество, такъ какъ будетъ понимать, что благосостояніе родины безусловно зависитъ отъ спокойствія и безопасности отечества. Такимъ образомъ, любовь къ семьѣ и родинѣ ведетъ за собою любовь къ государю и отечеству.

Соціалъ-демократы, эти бездомные возмутители, знаютъ все это также хорошо, какъ и мы, и потому стараются убить въ народѣ сперва религію, а затѣмъ и семейный духъ. Къ несчастью, они уже далеко подвинулись въ этомъ дѣлѣ. Прошло то время, когда родители считали рожденіе ребенка Божьимъ благословеніемъ и внушали это-

му ребенку глубокую вѣру въ Бога и Божественнаго Спасителя, когда дѣти съ радостью повиновались родителямъ и считали для себя счастьемъ служить отцу поддержкой въ старости и отплатить матери за всѣ ея заботы во время ихъ младенчества. Прошло то время, когда день, посвященный Богу, соединялъ всѣхъ членовъ семьи въ храмъ, когда торжественное настроеніе этого дня выражалось въ скромномъ семейномъ празднествѣ въ домашнемъ кругу или на лонѣ прекрасной, безъискусственной природы. Это время замѣнилось эпохой эгоизма и погони за недостижимымъ счастьемъ, за обманчивыми призраками лучшаго будущаго, вѣкомъ грубаго реализма и матеріализма, этихъ исконныхъ враговъ всякаго благороднаго стремленія, всякаго идеальнаго міросозерцанія; оно потонуло въ разнузданной безнравственности, ведущей къ замѣтному одичанію народа. Но добрыя традиціи прошлаго должны вернуться снова, чтобы удержать народъ отъ окончательнаго паденія. Въ арміи этому долженъ способствовать ротный командиръ, дѣйствуя незамѣтно для воспитываемыхъ, путемъ поучительныхъ бесѣдъ. Если этихъ бесѣдъ недостаточно, то случаи къ поученію могутъ всегда представиться на походахъ, при отправленіи на стрѣльбу, при посѣщеніи казармъ, въ особенности же на маневрахъ во время лагерныхъ стоянокъ и на бивакахъ. Хотя это духовное обще-

ніе съ сынами народа въ началѣ кажется чѣмъ то непривычнымъ и сопровождается нѣкоторыми неловкостями, но съ теченіемъ времени, къ дѣлу является живой интересъ, и то, что сперва казалось надъ неудобнымъ и тягостнымъ, становится для насъ необходимымъ; сами того не замѣчая, мы начинаемъ составлять одно цѣлое съ нашей ротой, сочувственно относимся къ каждому изъ нашихъ подчиненныхъ, узнаемъ, что для него потребно, радуемся его счастьемъ и утѣшаемъ его въ горѣ.

Вернемся къ вопросу о пробужденіи у солдатъ чувства семейной привязанности. Здѣсь нашей существенной опорой снова должна быть религія, такъ какъ съ вѣрой въ Бога неразрывно связано исполненіе Его заповѣдей. Солдатамъ нужно указывать на важное значеніе родительской любви, выражающееся въ словахъ Господа: «Благословеніе отца воздвигаетъ дома дѣтямъ своимъ, проклятіе матери разрушаетъ ихъ», въ указаніяхъ Священнаго писанія, гдѣ говорится: «Что ты сдѣлалъ меньшему изъ братьевъ твоихъ, то сдѣлалъ Мнѣ самому», а также въ полномъ любви отношеніи Спасителя къ дѣтямъ. Такимъ образомъ, съ помощью ожившей вѣры, солдатъ научится снова любить свою семью и народъ, смотрѣть на дѣтей какъ на даръ Божій, въ которомъ онъ долженъ будетъ отдать отчетъ Богу, начнетъ стремиться къ идеальнымъ цѣлямъ, которыя прежде ставили на такую высоту нѣмецкій народъ.

среди всѣхъ другихъ народовъ. Научившись же любить свою семью и братьевъ въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, онъ сольется съ ихъ интересами настолько, что не допустить ни малѣйшаго прикосновенія грязной руки къ этому священному достоянію. Отсюда слѣдуетъ, что развитіе семейнаго духа тѣсно связано съ развитіемъ братской любви и товарищества, какъ вообще воспитаніе одной добродѣтели способствуетъ въ то же время и воспитанію многихъ другихъ. Чтобы еще успѣшнѣе дѣйствовать въ этомъ направленіи, нужно поощрять солдатъ къ тому, чтобы они вели дружную товарищескую жизнь, оставались бы послѣ службы вмѣстѣ, хотя бы для того, чтобы въ веселомъ разговорѣ выкурить трубочку или послушать рассказовъ какого-нибудь бывалаго товарища, или, наконецъ, для совместнаго чтенія какой-нибудь дѣльной книжки; въ послѣднемъ случаѣ на насъ лежитъ обязанность озаботиться выборомъ соотвѣствующихъ книгъ. Въ число послѣднихъ должны входить лишь такія, которыя могутъ служить для укрѣпленія въ солдатахъ вѣры и нравственности, изъ которыхъ они могутъ узнать исторію своего народа и понять, какія тяжелыя жертвы всякій народъ долженъ приносить для своего блага, для защиты своего драгоцѣннаго достоянія; сюда также должны относиться жизнеописанія героевъ и великихъ людей родной страны, чтобы солда-

ты, воодушевляясь примѣромъ, стремились сдѣлаться достойными сынами великихъ предковъ. Таковую избранную библіотеку нетрудно составить съ небольшими затратами, если только будетъ на то доброе усердіе, и она можетъ принести неизмѣримую пользу.

Кромѣ библіотеки, немалую пользу въ воспитательномъ отношеніи можетъ оказать и совмѣстное пѣніе, на которое всегда нужно удѣлять нѣкоторое время. Никто не станетъ отрицать того вліянія, которое оказываетъ на всякаго человѣка пѣніе, возвышающее его душу, наполняющее его глубокимъ религіознымъ или патріотическимъ чувствомъ. Какъ много такихъ патріотическихъ пѣсенъ завѣщали намъ Кернеръ, Арндтъ, Шенкендорфъ и др., какой источникъ любви и преданности отечеству вытекаетъ для насъ изъ этихъ глубоко прочувствованныхъ, вдохновенныхъ пѣсенъ, и чье сердце останется холоднымъ при ихъ величавыхъ звукахъ, когда онѣ исполняются хоромъ изъ сотни голосовъ? Да, занятіе пѣніемъ облагораживаетъ сердце и умъ, если только оно далеко отъ всякой пошлости, и я увѣренъ, что каждый честный гражданинъ испытываетъ радостное чувство при встрѣчѣ съ ротой, распѣвающей прекрасныя патріотическія пѣсни и доказывающей этимъ, что въ ней живетъ истинный солдатскій духъ, который не дозволитъ ей отступить передъ опас-

ностью, но поведетъ ее къ побѣдѣ во имя блага родины. Такимъ образомъ, подобное пѣніе можетъ способствовать и развитію въ солдатахъ чувства любви къ своему призванію, облегчающаго ему исполненіе его обязанностей.

Любовь къ своему призванію, впрочемъ, не вытекаетъ только изъ любви къ отечеству: для развитія ея у командира роты имѣются въ рукахъ еще другія средства. Уже въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ я указывалъ, что служба государю есть долгъ чести. Но можетъ ли быть совмѣстимо съ этою честью, если казарма представляетъ для солдата темницу, если его съ раннего утра до позднего вечера мучать службой? Откуда явится у него та жизнерадостность, которая ни въ какомъ занятіи такъ не нужна, какъ въ суровомъ ремеслѣ воина?

Такое положеніе вещей убиваетъ въ концѣ-концовъ всѣ благородные задатки; вмѣсто интереса, охоты и усердія къ дѣлу вызываетъ равнодушіе и лѣнь, которыя не доходятъ до крайнихъ предѣловъ лишь благодаря страху наказанія. Солдатскій духъ сбрасывается вмѣстѣ съ мундиромъ, воспоминаніе о времени военной службы вызываетъ враждебныя мысли, далеко не способствующія усиленію народной любви къ военному званію, но зато увеличивающія число противниковъ милитаризма. И обыкновенно побудительной причиной этого образа дѣйствій

служить ничто иное, какъ опасеніе, какъ бы легкомысленные солдаты не совершили какого-нибудь безчинства и не надѣлали господину капитану непріятности: «пусть парни хорошенько умаются, чтобы у нихъ прошла охота уходить изъ казармъ, иначе и уснуть нельзя спокойно», — какъ будто возможность «надѣлать глупостей» не является слѣдствіемъ недовольства, къ которому приходятъ эти люди, какъ будто и послѣ вечерней зори они не найдутъ времени хватить лишнее! Всякая служба, превышающая силы человека, и нераздѣльное съ ней лишеніе свободы, убиваютъ чувство чести и ведутъ къ равнодушію; слѣдствіемъ такого режима являются тяжелые проступки въ томъ случаѣ, когда солдату становится понятенъ умыселъ начальника, такъ какъ подобное открытое недовѣріе оскорбляетъ деликатность чувства и вызываетъ упорство. Всякое ругательство или оскорбленіе дѣйствіемъ есть преступленіе противъ чести оскорбляемого и притупляетъ его нравственное чувство, дѣлая его нечувствительнымъ даже къ похвалѣ. Таки-ми средствами мы не воспитываемъ ни солдата, ни гражданина, и слѣдовательно, наносимъ вредъ и арміи и народу. Солдатъ долженъ съ радостью и гордостью вспоминать о годахъ своей службы въ рядахъ арміи и хранить въ сердцѣ данную присягу не какъ тягостное бремя, а какъ добровольно принятый на

себя долгъ, такъ что когда черезъ нѣсколько лѣтъ онъ будетъ призванъ къ отбыванію обязанностей резервиста и солдата ландвера или для защиты отечества въ тяжелый часъ народнаго бѣдствія, онъ съ радостною готовностью явится по первому зову своего вождя и монарха.

Поэтому необходимо тщательно удалять все что можетъ воспрепятствовать достиженію этой цѣли. Съ первой же минуты, какъ къ намъ являются рекруты, мы должны отнестись къ нимъ со всею любовью, какую мы только питаемъ къ нашему народу, и какой требуетъ отъ насъ долгъ нашего званія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если намъ удалось возбудить къ себѣ теплое чувство въ солдатахъ, то мы должны всѣми силами беречь, поддерживать и развивать его; если оно еще отсутствуетъ, то будить его своею неустанной заботливостью, безусловной справедливостью и дружелюбіемъ.

Забота о солдатахъ должна прежде всего выражаться въ томъ, что мы выдаемъ рекруту безукоризненную обмундировку—безукоризненную не въ томъ смыслѣ, чтобы она была пригодна для большихъ парадовъ, а чтобы была опрятна, вполне исправна и обшита новымъ краснымъ сукномъ на воротникѣ. Къ сожалѣнію, мы не настолько богаты, чтобы имѣть возможность не носить старыхъ мундировъ, и нашъ прямой долгъ сохранить ихъ въ цѣлости и чистотѣ.

Солдата не унижаетъ болѣе или менѣе потерянный мундиръ, но для него должно быть стыдомъ ходить въ рваномъ и грязномъ. Слѣдовательно, сообразно этому мы и должны одѣвать рекрута; если же мы ему объяснимъ, что его будничный мундиръ есть то же самое, что рабочая куртка, то онъ не станетъ удивляться тому, что его форма не такова, какъ на парадѣ и тѣмъ съ болѣею торжественностью будетъ носить свою праздничную форму. Въ особенности это имѣетъ значеніе тогда, когда солдатъ отправляется въ отпускъ на родину. Я не могу одобрить тѣхъ ротныхъ командировъ, которые, въ чрезмѣрной заботѣ о сохраненіи обмундировки, плохо одѣваютъ своихъ солдатъ, отнимая у нихъ, такимъ образомъ, возможность съ гордостью носить королевскій мундиръ и унижая репутацію арміи. Такая бережливость совершенно некстати: какъ это ни кажется странно, но командиръ не мало выигрываетъ во мнѣніи своей роты, если старается прилично одѣвать ее; при этомъ онъ долженъ давать солдатамъ время на содержаніе въ порядкѣ своихъ вещей, такъ что и въ виду этого нельзя занимать все время солдата службой. Нужно, по моему мнѣнію, поставить дѣло такъ, чтобы солдату приходилось спрашивать не о томъ, сколько времени онъ въ данный день можетъ быть свободенъ отъ службы, но о томъ, какъ долго долженъ онъ быть въ этотъ день на службѣ.

Само собою разумѣется, что здѣсь нельзя дѣйствовать по извѣстному шаблону, но слѣдуетъ руководиться правиломъ: «кратко и точно». Конечно, и это правило не всегда примѣнимо и можетъ въ свою очередь сдѣлаться шаблоннымъ. Призваніе солдата требуетъ часто тяжелаго труда и лишеній; командиръ роты долженъ принимать это въ соображеніе и прилагать всѣ заботы къ возможному облегченію этого труда. При такой службѣ, которая происходитъ большею частью въ лѣтнее время, когда жара усиливаетъ утомленіе, каждый капитанъ долженъ ограничивать время послѣобѣденной службы, или, если это невозможно, то увеличивать полуденный отдыхъ и разрѣшать солдатамъ позже вставать по утрамъ. Нечего говорить о томъ, что нужно также разрѣшать пить воду гдѣ только можно, и для роздыха выбирать тѣнистыя мѣста, наиболѣе защищенные отъ солнца. Солдаты не преминутъ замѣтить сердечную заботу своего начальника о ихъ благосостояніи и сами станутъ относиться къ нему съ любовью и довѣріемъ, подкрѣпляемымъ его строгою справедливостью и безпристрастіемъ. Командиръ роты, единственный имѣющій дисциплинарную власть начальникъ, который стоитъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ нижними чинами, долженъ неуклонно наблюдать за собою, чтобы не поддаться ни чувству недовольства, ни слабости, которую онъ потомъ прикрываетъ име-

немъ благосклонности. Кто всѣмъ сердцемъ преданъ своей ротѣ, того болѣзненно задѣваетъ всякій проступокъ, совершенный кѣмъ либо изъ его солдатъ: онъ какъ бы чувствуетъ себя въ нѣкоторомъ смыслѣ лично оскорбленнымъ и легко приходитъ въ гнѣвъ. Въ этомъ случаѣ, нужно дать сперва своему гнѣву остыть, и только тогда опредѣлить степень наказанія.

Взысканіе преслѣдуетъ двойную цѣль: наказывать проступокъ и предупреждать его повтореніе, а также служить предостереженіемъ для другихъ. Но оно не достигаетъ своего назначенія, если не соотвѣтствуетъ проступку и такимъ образомъ получаетъ видъ несправедливой жестокости. Человѣкъ же никогда такъ не склоненъ къ произволу, какъ въ минуту гнѣва, и поэтому онъ всѣми силами долженъ избѣгать опасности—оказаться въ эту минуту жестокимъ и несправедливымъ. Какъ много тѣхъ, которые наложивъ взысканіе въ первомъ порывѣ гнѣва, горько раскаивались въ послѣдствіи и охотно вернули бы свое опрометчивое распоряженіе, еслибы передъ ними не возставало роковое: «слишкомъ поздно». Насколько такая опрометчивость вредитъ репутаціи начальника, подрывая довѣріе къ его справедливости, настолько, съ другой стороны, обдуманное рѣшеніе, даже при всей строгости наказанія, вызываетъ лишь чувство почтительнаго уваженія. Но хотя въ данномъ случаѣ оказывается справедли-

вой старинная поговорка: «Коли не въ мѣру точить—недолго и зазубрить», то опасеніе быть слишкомъ строгимъ не должно обращаться въ слабость, которая, какъ мнѣ кажется, приноситъ еще больше вреда. Гдѣ обнаруживается слабость, тамъ проявляется недостатокъ уваженія. Наши солдаты относятся къ этому весьма чутко, и мнѣ приходилось не разъ слышать, какъ они говорили о какомъ-нибудь начальникѣ: «Хорошій былъ человекъ, да только не солдатъ». Слабостью мы никогда не приобретаемъ любви нашихъ подчиненныхъ, а только падаемъ въ ихъ мнѣніи. Конечно, въ нѣкоторыхъ легкихъ случаяхъ, можетъ быть, окажется болѣе цѣлесообразнымъ, въ видахъ воспитанія, замѣнить справедливое наказаніе прощеніемъ виновнаго, или въ тяжелыхъ случаяхъ наложить на него болѣе мягкое наказаніе, но всякій разъ такое смягченіе наказанія можетъ быть допущено лишь послѣ тщательнаго разсмотрѣнія дѣла и надлежащаго разъясненія мотивовъ этого смягченія солдатамъ роты. Я самъ лично сообщалъ собранной мною ротѣ о каждомъ наложенномъ мною взысканіи и всегда растолковывалъ ей, на какомъ основаніи я избиралъ при этомъ ту или другую степень наказанія; кромѣ того, я разъ или два въ мѣсяцъ снова собиралъ роту, и руководствуясь уставами, разъяснялъ ей всѣ приведенныя мною въ исполненіе или переданныя словесно взысканія, наложенныя высшимъ

начальствомъ. Смѣю увѣрить, что это принесло одну лишь пользу: я получилъ возможность налагать взысканія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, тяжелые же проступки при мнѣ почти никогда не случались. Причину этого я вижу въ вышеупомянутомъ растолкованіи, увеличивающемъ довѣріе къ ротному командиру.

Но не въ одномъ наложеніи наказаній должна проявляться справедливость капитана, а и въ распредѣленіи льготъ и награжденій. Не слѣдуетъ предоставлять на усмотрѣніе фельдфебеля, кого изъ солдатъ отпускать на вольныя работы, но командиръ роты долженъ самъ тщательно обсудить, кому по его бѣдности слѣдуетъ доставить нѣкоторый заработокъ; этимъ онъ выкажетъ заботливость даже по отношенію къ самому послѣднему изъ своихъ солдатъ. Разрѣшеніе отпуска на родину также должно даваться обдуманно: съ одной стороны, каждый исправный солдатъ долженъ безусловно рассчитывать на полученіе отпуска, съ другой—каждый штрафованный долженъ знать, что такая льгота, разрѣшаемая лишь какъ награда за хорошее поведеніе, можетъ быть допущена для него лишь въ томъ случаѣ, если онъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ доказалъ своимъ поведеніемъ, что раскаялся въ своей винѣ; исключеніе здѣсь можетъ быть допущено лишь въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ. То же самое относит-

ся и къ отпускамъ послѣ вечерней зори. Если солдатъ хорошо велъ себя и доказалъ, что такой отпускъ не принесъ на слѣдующій день никакого ущерба его служебной правоспособности, то онъ имѣетъ право на такое отличіе. Если же нѣтъ ни того, ни другого, то отпускъ не можетъ быть разрѣшаемъ ни въ какомъ случаѣ. Что въ этомъ не заключается несправедливости—пойметъ всякій даже весьма недалекій солдатъ.

Упомяну еще объ одномъ обстоятельствѣ. Въ каждой даже наилучшей ротѣ можетъ случиться, что несмотря на воздѣйствіе товарищей, на увѣщанія ротнаго командира, какой-нибудь солдатъ упорствуетъ въ своихъ проступкахъ и слабостяхъ, и тогда можетъ явиться желаніе окончательно провалить этого «негодяя», чтобы ускореннымъ темпомъ сбыть его въ рабочую команду. Но какъ въ сущности это несправедливо! Задача капитана состоитъ въ томъ, чтобы воспитывать и поддерживать своихъ людей; но мы не должны забывать, что всякій изъ насъ болѣе или менѣе подверженъ человѣческимъ слабостямъ и ошибкамъ. Если проступокъ вытекаетъ изъ какой-нибудь слабости, то не замедлитъ наступить раскаяніе, и каждое повтореніе будетъ лишь признакомъ недостатка энергіи, а не доброй воли. Но какъ было бы ошибочно съ нашей стороны, если бы мы дали окончательно упасть такому человѣку, считая его неисправимымъ! Нѣтъ,

пока только есть хоть малѣйшая тѣнь надежды на его исправленіе путемъ товарищескаго наблюденія и увѣщаній или даже наказанія—въ томъ случаѣ, когда это необходимо, — мы обязаны имѣть о немъ попеченіе и притомъ болѣе, чѣмъ когда либо. Только тогда, когда мы наталкиваемся на совершенное отсутствіе чувства чести, когда причиной проступка былъ явный умыселъ или даже просто равнодушіе къ своимъ обязанностямъ, когда данный субъектъ есть дѣйствительно безвозвратно погибшій человѣкъ,—только тогда уместна безпощадная строгость, да и то лишь послѣ зрѣлаго размышленія.

У капитана имѣются, кромѣ этого, и другіе случаи выказать свою заботливость о ротѣ. Казармы представляютъ изъ себя ничто иное, какъ большой каменный ящикъ, по виду котораго сейчасъ же можно понять его назначеніе: голыя стѣны, окрашенные въ дешевую окраску, пустые, непривѣтливые корридоры, неуютныя комнаты. Правда, что есть много такихъ рекрутовъ, которые, покинувъ родительскій домъ, жили въ жалкихъ каморкахъ или въ качествѣ работниковъ проводили день и ночь на конюшнѣ, но съ другой стороны, не мало и такихъ, которые привыкли къ болѣе или менѣе уютной домашней обстановкѣ. Хотя, быть можетъ, родной домъ и былъ невеликъ, комнаты низки и окна малы, но

заботливая рука матери умѣла создать порядокъ и уютность, въ одномъ мѣстѣ привѣсивъ занавѣску или набросивъ покрывало, въ другомъ—прибивъ картину или какое-либо другое украшеніе на стѣну. И вотъ, когда такой рекрутъ, вызванный изъ обычной обстановки, явится къ намъ въ совершенно чуждую ему среду, когда онъ увидитъ серьезныя, озабоченныя лица начальниковъ и обратитъ вниманіе на голыя стѣны и грубую утварь комнаты, предназначенной для его постоянного пребыванія,—его охватитъ невыразимая тоска. Каковы бы ни были его мысли въ эту минуту, для насъ несомнѣнно одно: что ему здѣсь не понутру. Но картина мѣняется, если заботливая рука любящаго друга годами старалась украшать корридоры казармъ бюстами нашихъ императоровъ, портретами нашихъ принцевъ и военачальниковъ, различными военными атрибутами, не дорогими, но порядочно исполненными картинами, изображающими важнѣйшія событія изъ исторіи полка и роты, или портреты лучшихъ стрѣлковъ и храбрѣйшихъ воиновъ; если, наконецъ, въ комнатахъ висятъ по стѣнамъ не однѣ скучныя инвентарныя записи и всякаго рода приказы, но и картины патріотическаго и религіознаго сдержанія, для того чтобы молодые рекруты и въ казармахъ находили уголокъ родной имъ обстановки. Хотя бы склонность къ подобной уютности и не вездѣ

имѣлась въ народѣ, но насъ должно удовлетво-
рять и то, если мы своею любящей заботли-
востью послужили хоть десятой части ввѣрен-
ныхъ намъ людей, насъ должна подкрѣплять
твердая надежда, что и другіе съ теченіемъ вре-
мени стануть находить удовольствіе въ уютной
обстановкѣ и тѣмъ съ большой отрадой будутъ
вспоминать потомъ о времени своей службы.

Конечно, трудъ этотъ не легокъ, такъ какъ
ротный командиръ не имѣетъ для этого въ своемъ
распоряженіи никакихъ средствъ, но при не-
ослабѣвающемъ интересѣ къ дѣлу часто дости-
гается то, что вначалѣ казалось совершенно не-
возможнымъ. Для этого стоитъ только капитану
обложить себя маленькимъ налогомъ и найти
поддержку въ добровольныхъ пожертвованіяхъ
состоятельныхъ офицеровъ и вольноопредѣля-
ющихся—и дѣлу будетъ положено доброе на-
чало, послѣ котораго оно уже быстро пойдетъ
впередъ, такъ какъ къ одной вещи легко будетъ
присоединить другую, къ другой—третью и т. д.

Но, разумѣется, дѣло не должно ограничи-
ваться однимъ украшеніемъ комнатъ; капитанъ
долженъ также заботиться и о развлеченіи сво-
ихъ молодыхъ питомцевъ. Этой цѣли прежде
всего служить упомянутая мною библіотека, а
затѣмъ пріобрѣтеніе различныхъ игръ, уже из-
вѣстныхъ солдату или такихъ, которымъ ему
нетрудно выучиться, какъ то: шашки, домино,

черный Петръ, пуфъ и т. п. Эти занятія служатъ также средствомъ привязать солдатъ къ казармѣ, воспитать въ нихъ чувства домовитости и удержатъ отъ «глупостей». Забота о развлеченіяхъ для молодыхъ солдатъ пробуждаетъ въ нихъ чувство благодарности къ капитану, который становится для нихъ лучшимъ другомъ.

Но этимъ еще не исчерпываются дружескія попеченія ротнаго командира. Такъ какъ случаевъ къ этому можетъ представиться весьма много, то я ограничусь лишь упоминаніемъ о важнѣйшихъ изъ нихъ.

Къ числу этихъ заботъ прежде всего относится посѣщеніе больныхъ въ лазаретъ. Кто самъ хоть разъ былъ боленъ и испыталъ тоскливую скуку, которую вызываетъ комната больного, тотъ не забудетъ, какую радость доставляло ему каждое посѣщеніе знакомаго или родственника, какъ онъ самъ иногда упрасивалъ доктора посидѣть съ нимъ нѣсколько лишнихъ минутъ, а между тѣмъ, въ его распоряженіи находилось достаточно другихъ средствъ развлеченія, и ему, быть можетъ, посчастливилось ожидать выздоровленія въ кругу любящей семьи. Насколько же печальнѣе положеніе солдата, когда онъ выбитъ болѣзью изъ обычной колеи и вырванъ изъ среды товарищей, помѣщаясь въ лазаретъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя одинокимъ среди чужихъ лицъ и тщетно ждетъ переменъ

и развлеченія! Правда, наши больные солдаты пользуются самымъ тщательнымъ уходомъ и имѣютъ возможность читать хорошія книги, но заботы врача и больничныхъ служителей касаются лишь больного тѣла, а не души. Въ этомъ случаѣ намъ подають примѣръ сами коронованныя особы, которыя выказываютъ больнымъ теплое участіе и не избѣгаютъ случаевъ принести имъ утѣшеніе и надежду. Напомню здѣсь, какъ незабвенный императоръ блаженной памяти Вильгельмъ I, въ великую годину 1870—71 г., посѣщалъ въ лазаретахъ больныхъ и раненыхъ, и какъ теплое сочувствіе царственнаго вождя освѣщало радостью даже лица умирающихъ. Будемъ слѣдовать этому высокому примѣру и постараемся своимъ посѣщеніемъ какъ можно чаще выражать отеческое участіе къ страданіямъ больныхъ и тѣмъ доставлять имъ отраду и утѣшеніе.

Такое же участіе надлежитъ оказывать и тому солдату, который сваливается отъ истощенія при утомительныхъ переходахъ или военныхъ упражненіяхъ. Командиръ роты долженъ находиться при немъ до тѣхъ поръ, пока ему не найдутъ соотвѣтствующаго помѣщенія и надлежащаго ухода. Здоровые могутъ въ это время итти дальше подъ начальствомъ старшаго офицера, такъ какъ капитанъ всегда успѣетъ нагнать ихъ верхомъ на лошади. На бивакъ онъ долженъ прежде всего озаботиться не объ исполненіи формально-

стей: назначеніи караула и другихъ работъ, требуемыхъ на бивакѣ, но о возстановленіи физическихъ силъ и бодрости своихъ солдатъ. Какъ часто иной бравый и вполне исправный солдатъ назначался въ карауль несмотря на видимое утомленіе и засыпалъ на своемъ посту, за что подвергался тяжкому наказанію! А между тѣмъ, съ человѣческой точки зрѣнія, проступокъ его былъ вполне извинителенъ и вина скорѣе лежала не на немъ, а на его капитанѣ. Какъ часто иной, благодаря чрезмѣрному напряженію, подвергался тяжелой болѣзни, которой могъ избѣжать при достаточной заботѣ о его здоровьи! Ротный командиръ долженъ постоянно имѣть надзоръ за своими людьми, облегчать имъ трудности походовъ и бивачной службы, ободрять слабыхъ, поощрять сильныхъ и удерживать ихъ отъ обидныхъ насмѣшекъ надъ товарищами. На его обязанности лежитъ забота о своевременномъ подвозѣ воды и всего того, что недостаетъ и необходимо для солдатъ въ данное время. Не должно быть при этомъ дозволено лишь употребленіе пива и сала. Какую пользу можетъ принести пиво на бивакѣ, въ холодную ночь, при дождѣ и вѣтрѣ, для чего солдатамъ сало безъ хлѣба? Насколько пиво полезно при жарѣ и пыли, настолько оно неумѣстно тогда, когда тѣло дрожить отъ холода; точно также и сало тогда лишь вкусно и утоляетъ голодъ, когда употребляется съ хлѣ-

бомъ, а не тогда, когда у солдата вмѣсто хлѣба черствые походные сухари.

Наконецъ, къ числу нравственныхъ обязанностей ротнаго командира принадлежитъ забота объ устройствѣ торжественныхъ ротныхъ праздниковъ. Рѣдкая рота можетъ устраивать, кромѣ Рождества и дня рожденія Императора, еще третій ротный праздникъ (приходящійся обыкновенно лѣтомъ); поэтому я упомяну лишь о первыхъ двухъ. Эти праздники должны проводиться такъ, чтобы они могли доставить солдатамъ истинную радость и носили характеръ семейнаго торжества. На Рождество солдатъ не слѣдуетъ лишать елки, такъ какъ этотъ трогательный обычай сдѣлался традиціоннымъ у нѣмецкаго народа и во всякую пору его жизни напоминаетъ ему счастливые дѣтскіе годы. Командиру слѣдуетъ, кромѣ подходящаго угощенія, озаботиться тщательнымъ выборомъ небольшихъ рождественскихъ подарковъ, сообразуясь съ потребностями и вкусами своихъ солдатъ, въ чемъ также можетъ ярко выразиться его сердечное къ нимъ вниманіе. При празднованіи дня рожденія императора, онъ долженъ постараться, чтобы праздникъ вышелъ вполне торжественнымъ, — такимъ, какого еще никогда не переживалъ молодой солдатъ и какого онъ вновь не увидитъ въ своей послѣдующей гражданской жизни, чтобы и впослѣдствіи, спустя уже много лѣтъ, воспоминаніе о немъ было еще

такъ же живо, какъ и въ первые годы. Послѣ того, какъ закончится официальная часть праздника, исполненная по разнообразной и искусно составленной программѣ, и ротный командиръ послѣ короткой, но выразительной рѣчи провозгласить здоровье Императора, торжество должно принять болѣе семейный, дружескій характеръ; капитанъ слагаетъ съ себя роль начальника и становится товарищемъ, присутствіе котораго не должно дѣйствовать угнетающимъ образомъ на настроеніе солдатъ, а наоборотъ, возвышать значеніе самого праздника. Пусть капитанъ не боится оставаться со своей ротой до самаго конца его: я самъ всегда поступалъ такимъ образомъ и смѣю увѣрить, что ни одинъ диссонансъ не нарушалъ подобнаго торжества и солдаты никогда не переступали границъ приличія.

Не думай, что такое дружеское общеніе можетъ пошатнуть авторитетъ капитана и подорвать дисциплину: напротивъ того, подобная дружба ведетъ къ любви, а гдѣ любовь, тамъ и вѣрность — говорю это на основаніи многолѣтняго опыта.

Пусть же офицеры не забываютъ, что мы обязаны воспитывать не куколъ, не маріонетокъ, которыя должны двигаться по нашему произволу, а солдатъ, которые и въ гражданскомъ платьѣ не должны забывать, что ихъ неизмѣнный долгъ всегда и вездѣ вѣрно служить королю и отечеству и что они только тогда могутъ назваться

честными гражданами, когда добросовѣстно выполнять свой воинскій долгъ; мы должны воспитывать отцовъ семейства, которые уже съ раннихъ лѣтъ внушали бы своимъ дѣтямъ любовь къ Богу, государю и отечеству и прививали бы имъ тѣ добродѣтели, которыми изстари отличался нѣмецкій народъ.

Пусть ничто не совращаетъ насъ съ пути чести и вѣрности долгу, въ какомъ бы званіи мы ни находились, какія бы бѣдствія ни испытали, въ какое бы время отрицанія ни жили; пусть вѣрность не умираетъ въ насъ до самой смерти—до той минуты, когда мы должны будемъ отдать въ ней отчетъ Небесному Судіи.

И такъ, съ Богомъ за короля и отечество!

405.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

слѣдующія книги:

Ф. Массонъ. — НАПОЛЕОНЪ и ЖЕНЩИНЫ. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Р. Крафтъ. — МИШУРНЫЙ БЛЕОНЪ. Критика положенія офицеровъ германской арміи. Цѣна 75 коп.

Д. Гамерра. — 9 МѢСЯЦЕВЪ въ ПЛѢНУ у МЕНЕЛИКА. Воспоминаніе военно-плѣннаго въ Шоа. Ц. 75 к.

Х. Е. Яна. — БАРАБАНЩИКЪ УДАРЪ. Картинки мира и войны. Цѣна 50 коп.

Ульрихъ фонъ - Гассель. — ХРИСТИАНСКАЯ ВѢРА и ВОЙСКО. Цѣна 30 к.

С. К. — НАСТАВЛЕНІЕ КЪ САМОДИСЦИПЛИНѢ и САМОВОСПИТАНІЮ. Вып. I. *Содержаніе:* Предисловіе. 1) Подготовленіе къ военному званію; 2) Вѣрность; 3) Боевая готовность; 4) Мужество и храбрость; 5) Повиновеніе; 6) Честь; 7) Честное поведеніе на службѣ; 8) Дурное обращеніе; 9) Достойное поведеніе въ службѣ; 10) Долги; 11) Бракъ. Цѣна 75 к. Цѣна I и II выпускамъ 1 р. 25 к.

ИМѢЕТСЯ НА КОММИССИИ

Что такое женщина?

Поэзія въ прозѣ. Цѣна 20 коп.

Главный складъ книгоиздательства „Иностранная Армія“. Москва, Большая Дмитровка, типографія Борисенко и Бреславль, куда и просить обращаться съ требованіями; книги высылаются и наложеннымъ платежомъ.

Продажа во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

2011136957